

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5
(151)
Май 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** ФУНДАМЕНТ ВЕРНОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ
ИРИНА КАНДЕЛАКИ
- 11** ПАРТИЗАНСКАЯ СЛАВА ШАЛВЫ СОХАДЗЕ
ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ
- 14** ТОГДА БЫЛА ВОЙНА
ДОДО ВАДАЧКОРИЯ
- 17** СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ТАНГО
БОРИС ШАХНАЗАРОВ
- 20** ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27** КОППОЛА ПО-ГРУЗИНСКИ
АНАСТАСИЯ ЭРИСТАВИ
- 30** ПИСАТЕЛЬ ЧИСТЕЙШЕЙ ДУШИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 33** БЕСОВКИ
РЕЗО ИНАНИШВИЛИ
- 37** ПИСАТЬ ГРАМОТНО – МОДНО!
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 38** СЕЛФИ ЧИСТО ПО-ТБИЛИССКИ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 42** МАЛЬЧИК НА ФОНЕ ДЕРЕВА. ДЕТАЛЬ
НИКОЛАЙ ШАХБАЗОВ
- 47** "МОЯ ЖИЗНЬ – СПЛОШНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ!"
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 52** НОМЕР В ЦВЕТОЧЕК
ЕЛЕНА РАЧЕВА, АННА АРТЕМЬЕВА

На обложке – Мемориал памяти воинов
Великой Отечественной войны. Сигнахи
Фото Александра Сватикова

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

**220 ЛЕТ ПРОТОТИПУ
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

Многим современникам Пушкина было известно, что наиболее близким прототипом героя романа в стихах «Евгений Онегин», который Виссарион Белинский назвал энциклопедией русской жизни, был ближайший друг – лицеист Жано, Иван Иванович Пуцин. Он родился в аристократической семье 15 мая 1798 года и тоже был определен учиться в Царскосельский лицей. Жано тоже был поэтом, но, в отличие от своего легкомысленного друга «Француз» Пушкина, поначалу успешно делал свою, пусть небольшую, но карьеру – стал офицером в элитном подразделении, гвардейской конной кавалерии. Но, поссорившись с Великим князем Михаилом Павловичем, оставил службу и начал работать в Петербургской уголовной палате, то есть стал следователем. А потом принял звание судьи Московского надворного суда. Он несколько раз навещал опального Пушкина в Михайловском, заодно по секрету

ознакомив его с существованием Тайного общества и привезя ему еще не разрешенную комедию Грибоедова «Горе от ума». Однако все изменил декабрь 1825 года. Жано оказался действующим врагом режима – декабристом и, вероятно, довольно активным и опасным врагом царской власти. Верховный суд 1826 года признал его «виновным в участии в умысле на цареубийство... лично действовал в мятеже и возбуждал нижних чинов» и приговорил к смертной казни, замененной на пожизненную сибирскую каторгу. И вот там-то в Сибири и произошла его невероятная встреча с другим пушкинским прототипом, точнее «другой». Это была одна из знаменитых «жен декабристов» Наталья Фонвизина, в девичестве Апухтина. Именно ее образ, по мнению друзей поэта и его поздних исследователей, вдохновил Пушкина на создание Татьяны Лариной. Именно имя «Наталья» он намеревался дать своей героине, потому что имя Татьяна считалось в те времена простонародным, как теперь, скажем, Аграфена или Евдокия. Но героине имя подошло, и в дальнейшем оно вошло в моду. Наталья Фонвизина, ставшая в ссылке вдовой, знала, чьим прототипом она была, и даже подписывала письма «Таня». Любопытно то, что эти два героя пушкинского великого произведения соединили свои судьбы, поженившись после амнистии несчастного Жано. Правда, их счастье было недолгим – Пуцин вернулся из Сибири смертельно больным и умер на руках у любимой, не дожив до 61 года. Но мы теперь точно знаем, что Евгений Онегин и Татьяна Ларина все же были вместе.

**465 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КОРОЛЕВЫ МАРГО**

Да, именно королеве, а не книге Александра Дюма-отца. Она была очень яркой исторической фигурой XVI века, которой посвятили немало книг и воспоминаний. Ее звали Маргарита Валуа, она была дочерью короля Генриха II и коварной Екатерины Медичи, сестрой королей

Франциска I, Карла IX, Генриха III, женой Генриха IV Бурбона и сама была королевой Наваррской. И жила в лихое время, когда Францию раздирали религиозные войны, в которых католики и протестанты усердно и с переменным успехом резали друг друга. Она была очень привлекательной и пользовалась успехом у мужчин. Говорят, она начала свои любовные похождения чуть ли не в одиннадцать лет. Но согласитесь, чем было заниматься дамам, кроме как нарядами, балами и романами во времена, когда не было ни телевизоров, ни интернета. Впрочем, принцесса Маргарита была блестяще образованна, начитанна, знала языки и была искушена в придворных интригах, как истинная дочь своей матери-королевы – хитрой флорентийки Екатерины. Марго, как ее называли, стала свидетельницей и невольной виновницей чудовищной Варфоломеевской ночи. Ее решили выдать замуж за лидера врагов-гугенотов юного короля Анри – Генриха Наваррского. Все радовались предстоящему перемирию. Протестанты доверчиво приехали на свадьбу в Париж и, как оказалось, в ловушку. Королева Екатерина вместе со своими союзниками-католиками в ночь Святого Варфоломея устроили резню, истребив за несколько дней десятки тысяч невинных людей, вся вина которых была лишь в том, что они молились Богу не на латыни, а на французском языке. Марго не любила мужа, выйдя за него из полити-

ческих амбиций своей матери и брата-короля, но не предала его. Она оказалась мужественным и порядочным человеком. Молодая королева берегла мужа от покушений, выступала его защитницей перед королем Карлом и присоединилась к Анри, когда ему удалось сбежать из парижского плена в родную Наварру. В их браке не было ни любви, ни детей. И в итоге, когда Генрих взошел на французский престол, произнес свое сакраментальное «Париж стоит мессы», и ему потребовался наследник, чтобы укрепить новую династию, пришло время их развода. Марго отпустила Анри на свободу, оставшись его союзником и членом королевской семьи, поддерживая Генриха IV политически. Ее обожали дети короля от второго брака, называя тетушкой Марго, а она их баловала и дарила сладости и красивые игрушки. Маргарита пережила Анри, погибшего от кинжала убийцы, и горевала по нему, не как по любимому, но как по другу. А смертельно заболев воспалением легких, оставила все свое состояние его детям и своему любимцу — старшему сыну Людовику XIII.

МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА

Поэт Николай Заболоцкий родился в русской провинциальной интеллигентной семье агронома и сельской учительницы. Он получил хорошее домашнее образование, его заботливо снабжали самыми лучшими книгами, и мама — она была большой поклонницей Блока — пристрастила его к современной модной поэзии. Николай тоже полюбил Блока, а потом символистов, а потом увлекся акмеистами, футуристами, и наконец, стал поклонником Велимира Хлебникова. Он учился в Петроградском педагогическом институте и посещал поэтические кружки. И говорил, что окончил институт со средними оценками и с толстой тетрадкой плохих стихов. Северная столица была полна молодыми талантами, и Заболоцкий легко нашел себе товарищей, с которыми они и образовали Обериу — Общество Реального Искусства (букву «у» добавили для прикола). Но никаким особо реальным искусством обериуты Хармс, Введенский,

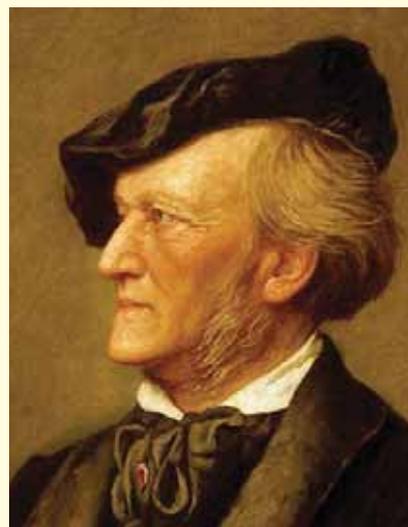

Вагинов и Заболоцкий не занимались, а занимались ерничеством, арлекинадой, игрой в чепуху, которая в итоге и вылилась в блестящую, настоящую поэзию. Они были создателями поэтического театрализованного абсурда. «Веселые» — вот главное определение этой группы поэтов. Как говорил, правда, не о них Мандельштам: «молодые любители белозубых стишков». Конечно, комсомольцы-рапповцы обериутов не признавали, всячески гнобили, писали на них доносы и в итоге погубили всех до единого. Многие попали в тюрьму и в Гулаг, а кого-то и расстреляли. Николаю Заболоцкому повезло остаться в живых. Он уже больше не был веселым поэтом, а стал глубоким, вдумчивым и немного печальным. А еще он был гениальным переводчиком. Он переложил на современный русский «Слово о полку Игореве» и перевел заново — и это один из лучших переводов — «Витязя в тигровой шкуре». Он начал переводить Руставели еще на каторге, в уме.

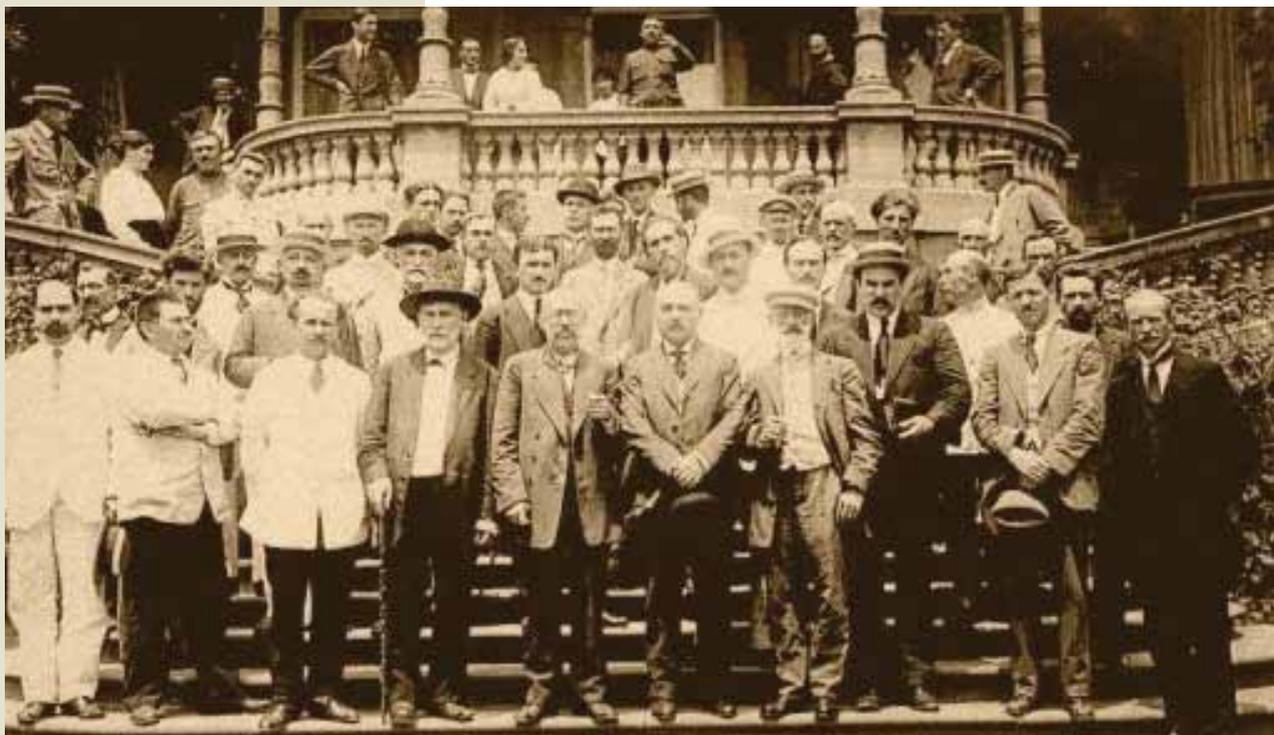
О ГЕНИИ, ЗЛОДЕЙСТВЕ И РИХАРДЕ ВАГНЕРЕ

Выдающийся русский композитор и серьезный ученый-химик Бородин, написавший «князя Игоря», говорил о нем — «какой странный сад разбил этот немец, что за деревья в нем вырастут?». Говорил он это о гениальном Рихарде Вагнере, авторе опер «Золото Рейна», «Парсифаль», «Тангейзер», «Лоэнгрин» и тетралогии «Кольцо Нибелунга». Абсолютно бесспорные вершины классической музыки, покоренные этим неистовым немцем, музыка которого узнавалась на слух с первых же тактов, не могли затмить мрачноватой неоднозначности его человеческой позиции. Рихард Вагнер, со дня рождения которого в этом мае пройдет 205 лет, ярко иллюстрирует тезис А.С. Пушкина из маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» о гении и злодействе. Злодеем Вагнер конечно же не был, но его увле-

чение мистицизмом и неприкрытый антисемитизм в известной мере стали питательной средой для возникшего в начале XX века нацизма. Вагнер был любимым композитором Гитлера, что предопределило «антивагнеровское» движение во всем мире. Впрочем, его оперы из репертуаров не исчезли, да и поклонников меньше не стало, и не все они были радикалами. Вагнер прожил яркую жизнь, в которой были и бедность, и непризнание, и ссоры с коллегами-музыкантами — но были и покровительство королей, и построенные в честь него, Вагнера, роскошные псевдо-средневековые замки, и оперные театры, рассчитанные на массовые постановки его опер. Король Людовик II Баварский был фанатичным поклонником музыки Вагнера, он разбазарил государственную казну, потратив ее на масштабные постановки и организацию вагнеровских фестивалей, а в результате потерял трон. Ну, трон-то он потерял бы и так, поскольку в тот исторический момент энергичный Бисмарк собирал из разрозненных княжеств

новую современную Германию. Что же до антисемитизма, то Вагнер скомпрометировал себя написанием книги «Еврейство в музыке». У него и музыкальных критиков было всегда в достатке, а тут от него отвернулись выдающиеся умы Европы. Но Вагнера это не остановило, и однажды он даже потребовал от назначенного дирижера еврея Германа Леви креститься. Тот отказался, и тогда Вагнер встал за пульт сам. Впервые в истории музыкальных концертов — спиной к публике. В ответ на возмущение слушателей он заявил, что его музыка сложная, и за оркестром нужен пригляд.

Правительство независимой Грузии

ФУНДАМЕНТ ВЕРНОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ

■ Ирина КАНДЕЛАКИ

Мировое сообщество отмечает 100-летие со дня провозглашения Дня независимости Грузии. В знак солидарности с грузинским народом 26 мая самые знаковые достопримечательности столиц разных стран будут освещены в цвета нашего государственного флага, мемориальные доски в знак дружбы с Грузией установлены в 30 странах мира, в университетах Европы и Америки открыты уголки Грузии, а в Вильнюсе появилась улица Грузии.

В связи с вековым юбилеем праздничные мероприятия организованы в штаб-квартире ООН, там прошла презентация почтовой марки, приуроченной к торжеству. Масштабные конференции, посвященные разным аспектам развития демократических процессов в Грузии, состоятся в Брюсселе, Вашингтоне, Париже. Творческие ансамбли Грузии примут участие в юбилейных концертах в странах Европы, Азии, Ближнего Востока и Америки.

В здании Совета Европы в Страсбурге 26 мая пройдет заседание, посвященное памяти известного грузинского ученого Михаила Мухели (Мухелишвили), профессора Страсбургского университета, который является одним из основоположников идеи единой Европы. Только простое перечисление данных мероприятий позволяет утверждать, что современная Грузия прочно интегрирована с Евросоюзом, развивает партнерские связи с различными странами в области экономики, науки, культуры. Европейский вектор современной внешней политики Грузии имеет глубоко обоснованные исторические корни.

Несмотря на то, что первая Независимая Республика просуществовала всего два с половиной года, сам факт ее существования оставил в истории страны неизгладимый след и послужил ориентиром для демократов новой волны, определил в качестве магистрального

направления международной политики современной независимой Грузии западный, европейский вектор.

В первом пункте «Акта независимости Грузии» указывалось, что «отныне грузинский народ – носитель суверенных прав, и Грузия – полноправное государство». Во втором пункте Акта демократическая республика признается политической системой Грузии. Третий пункт зафиксировал постоянный нейтралитет независимой Грузии в международных войнах.

Грузинская Демократическая Республика в пределах своих границ гарантировала обеспечение всем гражданам равных гражданских и политических прав, независимо от их национальной принадлежности, вероисповедания, социального положения и пола. В документе также было зафиксировано положение о том, что республика предоставит возможность свободного развития всем национальностям, живущим на ее территории.

Первая Конституция Грузии, которая состояла из 17 глав и 148 статей и была принята 21 февраля 1921 года, также является детищем первого де-

мократического правительства Грузии. В первой главе были отражены общие положения, во второй – положения о гражданстве. В последующих главах были отражены положения о правах граждан, о государственных органах.

В Конституции 1921 года не был отдельно определен президентский институт, а исполнительную власть осуществлял председатель правительства, избираемый сроком на один год. Десятая глава главного закона страны касалась органов местного управления. В одиннадцатой главе говорилось об автономном управлении.

В Конституции нашли отражение вопросы школы и образования, вопросы социально-экономических прав, прав национальных меньшинств, проблемы упорядочения деятельности государственных служащих, отделения государства от церкви.

Акт независимости Грузии был принят в Тбилиси 26 мая 1918 года Национальным Советом Грузии в Белом зале дворца бывшего наместника императора на Кавказе ныне Дворец молодежи.

Хотелось бы видеть этот исторический день праздничным и торжественным, то есть полностью соответствующим важности происходящего. Марши, парады, цветы, банкеты будут несколько позднее. Реалии времени несколько отодвинули торжество, чтобы уловить атмосферу того дня обратимся к хронике событий бурного 1918 года. В России, охваченной революцией, царил хаос гражданской войны. Москве явно не до решений проблем на Южном Кавказе. Между тем в Закавказье происходят судьбоносные перемены: представители трех народов объединились в конфедерацию, которая затем трансформировалась в Закавказский Сейм со столицей в Тифлисе. В Баку стоят войска Антанты. Батуми и южные области Закавказья оккупированы Турцией, милитаристские аппетиты ко-

торой растут, как на дрожжах. Совместно с азербайджанцами турки намеривались расчленить территорию Армении. Их притязания к Грузии также приняли к весне 1918 года катастрофический для страны характер. Несмотря на то, что в печально известном для России Брест-Литовском договоре не были названы переходящие к Турции провинции Закавказья, сразу после вывода российских войск турки, не обращая внимания на протесты Закавказского сейма, заняли Карскую, Ардаганскую и Батумскую области.

Кроме того, ситуацию усложняли внутренние противоречия между закавказскими народами.

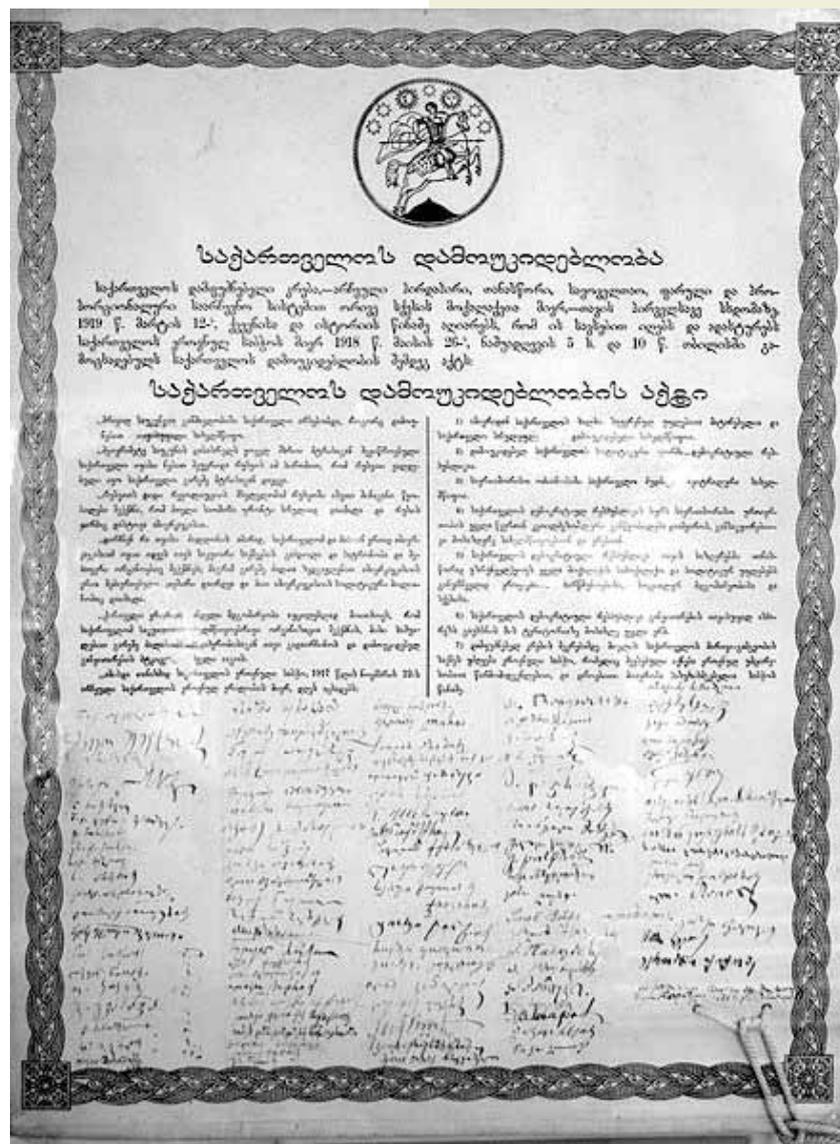
Армения, недавно пережившая чудовищный геноцид, боя-

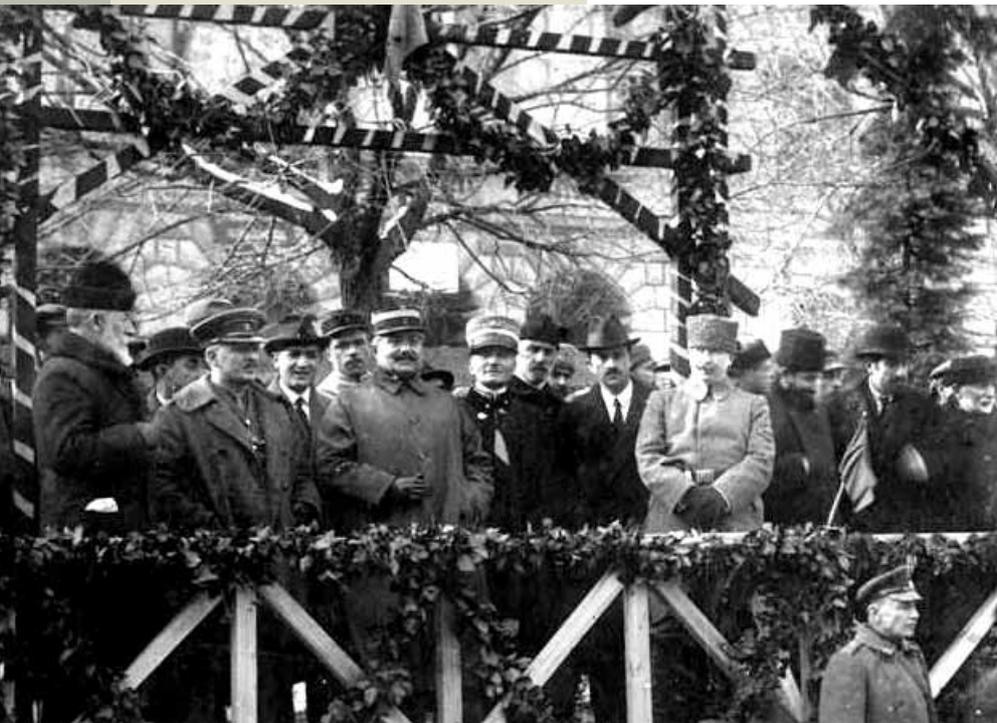
лась оторваться от российской опеки, поэтому горячо поддерживала курс Антанты. Азербайджанцы видели в турках братьев по вере и оправдывали турецкую экспансию.

Что же Грузия? Разумеется, пришедшие к власти социал-демократы мечтали о восстановлении суверенитета страны, но на деле проявляли нерешительность, поскольку фактически страна не была выведена из состава России. Между тем экспансия турок принимала угрожающий характер, после оккупации Аджарии они вторглись в соседнюю Гурию. Вот на таком фоне и пересеклись векторы интересов Германии и Грузии.

На открывшейся 11 мая 1918 года Батумской конференции турецкая сторона предъ-

Акт независимости Грузии. 1918

На праздновании первой годовщины независимости Грузии. 1919

явила новые территориальные претензии, требуя сдачи Ахалцихского и Ахалкалакского округов. Границы Армении в турецкой интерпретации означали почти полное уничтожение этой страны. При этом азербайджанцы были готовы к сохранению «двуединого» Закавказского сейма.

Итак, в мае 1918 года, в оккупированном турками Батуми проходит мирная конференция по решению закавказских вопросов при участии грузин, армян, азербайджанцев, турок и их военных союзников – немцев.

Турция чувствует себя хозяйкой положения и ультимативно требует передела границ Южного Кавказа. Ситуация накалена до предела. Мало кто верит, что кризис разрешится не в пользу Турции. До истечения срока ультиматума остается всего четыре часа, когда происходит невероятное: грузины выходят из состава Закавказского сейма, экстренно принимают Акт о Независимости Грузии. Федерация закавказских народов разваливается как картонный домик, турки поставлены перед фактом, что

им не от кого требовать выполнения ультиматума. Увлеченная дележом легкой добычи турецкая сторона выпустила ситуацию из-под контроля. Глава немецкой делегации на Батумской конференции генерал Отто фон Лоссов объявил, что в связи с распадом Закавказского сейма он не имеет полномочий вести переговоры с иными субъектами и поэтому отправляется за консультациями в Берлин. На самом деле торговый корабль «Minna Horn» берет курс на Поти, где фон Лоссов назначил встречу грузинской делегации. Соблюдая конспирацию, представители новой Грузинской республики отбывают поездом из Батуми якобы в Тифлис. Но на узловой станции Самтредиа вагон отцепляют, и депутация прибывает в Поти.

На борту корабля «Минна Хорн» без промедления был подписан договор, согласно которому Германия становилась гарантом сохранения независимости Грузинской республики.

О полных драматизма событиях тех дней рассказал в своих мемуарах государствен-

ный деятель, юрист, историк и дипломат Зураб Авалишвили. После падения Грузинской республики в 1921 году, он, как и другие члены первого демократического правительства, оказался в эмиграции и издал в 1924 году в Париже книгу «Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.». В своих очерках профессор Авалишвили подробно описал события накануне провозглашения Грузинской демократической республики. Согласно его воспоминаниям, в Тифлисе и Батуми немецкие дипломаты проводят с грузинскими политиками консультации, нацеливая их на решительные меры. Они утверждают, что единственным выходом из тупика может стать провозглашение собственной государственности и обещают, что Германия защитит молодую демократию Грузии.

Вспоминая обстановку батумской конференции, профессор Авалишвили пишет: «В 9 часов вечера нам вручают пакет от Халил-бея. Ультимативное требование в 72 часа принять турецкие условия. При этом, турки прихватили уже целиком и Нахичеванский уезд, то есть железную дорогу Карс-Александрополь-Джульфа. ... Об этом ультиматуме наши мусульмане [азербайджанцы] знали еще днем. Мотивировка ультиматума была облегчена жалобами: мусульман везде грабят и режут, и турки не могут отдать их на съедение бандитам-революционерам и т.д. Турция в очередной раз захватывает Ахалцихский уезд, древнюю Месхетию. Хребет, окаймляющий Рионскую долину с юга, вновь делается границей между исламом и Грузией...».

Подобный ультиматум не оставлял времени на сомнения. Авалишвили срочно составляет проект Акта о провозглашении независимости. Ноэ Жордания отвозит документ в Тбилиси.

Из мемуаров Авалишвили: «Поздно вечером составляю

следующую телеграмму, которая отправляется в ночь на 25-ое мая, за подписью Чхенкели: «Тифлис, генералу Квинитадзе.

Передайте президиуму Национального Совета Грузии следующее: дальнейшее промедление провозглашения независимости повлечет за собой непоправимые последствия. Остается одно: противопоставить турецкому нашествию независимую Грузию, поддерживаемую Германией. Ее представителем при грузинском правительстве будет граф Шуленбург, которого необходимо признать немедленно по провозглашении... Жду скорейшего сообщения об Акте».

Теперь грузинскую делегацию в Батуми волнует только одно – успеют ли в Тифлисе провозгласить независимость.

«Другого пути нет: мы организуем независимость. Германия будет держать за фалды турок; за это поживится у нас кое-чем. Азербайджан будет пока под влиянием Турции. Армения – под турецким нажимом, смягчаемом присутствием германцев», – пишет Авалишвили.

26 мая. Наконец при-

ходит депеша из Тифлиса. Н.Жордания и Н.Рамишвили: «Сегодня в пять часов пополудни Национальный Совет провозгласил Грузию Независимой Республикой. Председатель правительства – Рамишвили, министр иностранных дел Чхенкели. Закавказский Сейм признал себя упраздненным, и единство Закавказья прекратилось».

Из мемуаров Авалишвили: «Таким образом, за четыре часа до получения нами турецкого ультиматума, Закавказская Республика, огромный моллюск без позвоночника – прекратила свое существование».

По принципу домино к организации самостоятельных государственных формирований незамедлительно приступают Армения и Азербайджан. Ультиматум Турции о территориальных притязаниях повис в воздухе.

Сразу после подписания Потийского договора, «Минна Хорн» взяла курс на Констанцу, увозя на борту представителей нового правительства Грузии и депутацию Армении.

Из мемуаров Авалишвили:

«На пристани в Поти собралась огромная толпа... наконец, отчаливаем. Берег стал быстро удаляться: мне, даже мельком, не пришлось видеть независимой Грузии!».

В Берлине Отто фон Лоссов представил рейхсканцлеру обширный отчет о батумских переговорах. Генерал описал экспансию «неотурецкого империализма» и предложил незамедлительно признать независимость Грузии. Его доводы были приняты. Завертелся маховик германской государственной машины. Как и обещал фон Лоссов, германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузии в переговорах с Кремлем относительно выхода Грузии из состава России и, после отделения ее, признать Грузию свободным и независимым государством. Германия выразила готовность оказать Грузии помощь в установлении границ с соседними государствами. Этот важнейший пункт Потийского соглашения означал, что во всех территориальных спорах Германия обязывалась отстаивать территориальные интересы Грузии.

Национальный совет Грузии принимает Акт независимости

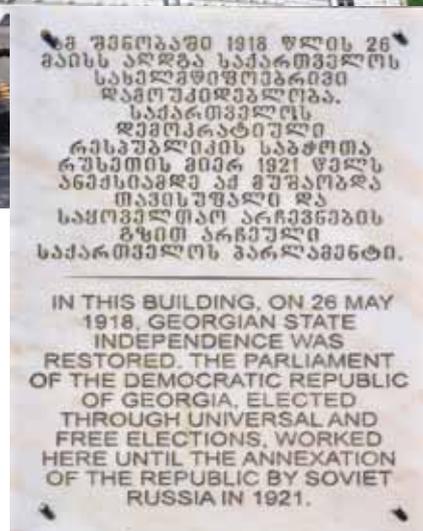

Блестящий дипломат граф Фридрих фон дер Шуленбург, накануне Первой мировой войны возглавлявший германское консульство в Тифлисе, в драматические дни Батумской конференции играл роль «серого кардинала». Пока фон Лоссов вел официальные переговоры, Шуленбург устанавливал негласные контакты с грузинскими делегатами в Батуми и Грузинским национальным советом в Тифлисе, помогая им разработать тактику провозглашения независимости. Он также готовил необходимые документы. По свидетельству членов грузинской делегации, Шуленбург является автором текста грузино-германского соглашения от 28 мая 1918 года, который гарантировал независимость Грузии.

Именно он пообещал, что организует военное соединение из военнопленных немцев, как только получит разрешение от правительства Германии. Официальный Берлин незамедлительно решил этот вопрос. Уже через пять дней 1 200 человек из числа военнопленных немцев встали под ружье и взяли под контроль все въездные дороги Грузии, блокируя передвижение турок.

В Германии представители грузинской дипломатической миссии в составе Акакия Чхенкели, Нико Николадзе, Зураба Авалишвили, Владимира Ахметели, а также берлинских грузин Георгия Мачабели, Михако Церетели провели успешные переговоры. Их результатом стало решение послать в Закавказье несколько батальонов. Главной целью немецкой военной миссии, которая, впрочем, не оглашалась, являлось сдерживание турок в границах Брест-Литовского договора. Германские отряды охраняли железнодорожную

дорогу, границы, пресекали провокации большевиков. Немцы стояли на страже независимости Грузии вплоть до окончания Первой мировой войны. Затем Германия вывела свои войска из Закавказья.

Первая независимая Грузинская республика прекратила существование в феврале 1921 года после аннексии страны 11-ой Красной армией под командованием Серго Орджоникидзе.

Германия укрепила собственные позиции на Южном Кавказе, защитила интересы грузинского национально-освободительного движения, и самое удивительное – умудрилась сохранить с Турцией союзнические отношения.

Современная Грузия после драматических событий конца прошлого века заняла достойное место среди стран мирового сообщества, постоянно доказывает свою приверженность ценностям демократии, строит гражданское общество и стремится наладить добрососедские отношения в регионе.

На встрече ветеранов партизанского движения (Шалва Сохадзе с красной лентой)

ПАРТИЗАНСКАЯ СЛАВА ШАЛВЫ СОХАДЗЕ

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Испытаний, которые выпали на долю Шалвы Эрастовича Сохадзе, хватило бы на несколько человек. Ровесник Первой мировой войны, активный участник Второй мировой войны, ротный политрук 100-й стрелковой дивизии, которая одна из первых оказала достойное сопротивление фашистам под Минском; командир взвода прославленного партизанского отряда в Белоруссии, участник первого Партизанского парада в освобожденном Минске 16 июля 1944 года, орденосиенец, почетный гражданин районного центра Круглое... В годы войны, до и после, Ш. Сохадзе не раз бывал на волоске от гибели, но фортуна всегда была благосклонна к нему, спасая его буквально в последние секунды. 25 декабря нынешнего года Шалве Эрастовичу Сохадзе исполнилось бы 104 года.

Из своих 95 лет Ш. Сохадзе семь десятилетий жил и работал в Белоруссии. Его знал и уважал руководитель Белоруссии легендарный Петр Миронович Машеров, не раз предлагавший отважному грузинскому партизану высокие должности. Однако Шалва Сохадзе, раз и навсегда связавший свою судьбу с жителями Круглянского района Могилевской области, где он партизанил и отлично знал местность, не мог изменить первоначальное решение. Что тогда, в далеком 1944 году, окончательно перевесило в принятии решения Ш. Сохадзе остаться на Круглянщине, – просьбы боевых товарищей и сельчан, хорошо знавших организаторские способности, порядочность, высокую квалификацию техника-строителя – сказать нелегко. Но одно бесспорно – впритык к Круглому находилось небольшое село Радча, название которого так ласкало слух рачинца и напоминало Шалве Сохадзе его Родину. Думал вначале остаться здесь на время – оказалось, навсегда! Так и жил он долгие

годы на чужбине, ставшей ему второй родиной. От родной Рачи до белорусской Радчи пролегал славный боевой, партизанский и трудовой путь нашего мужественного соотечественника, сына двух братских республик.

Шалва Сохадзе родился 25 декабря 1914 года последним ребенком в многодетной семье в небольшом рачинском селе Абаноети Амбролаурского района. Девять детей! Попробуйте вырастить такую ораву! Да еще в годы Первой мировой войны, которая забрала старшего из детей – Партена. Отец семейства Эраст Спиридонович, – сын местного священника – был трудолюбивым, образованным и уважаемым человеком.

После окончания сельской школы Ш. Сохадзе поехал в Тифлис, где окончил строительный техникум и начал работать по специальности. Вскоре, после начала Второй мировой войны, в октябре 1939 года 25-летний Шалва ехал в теплушке со сборного пункта в Навтлуги на запад. Через трое суток поезд остановился на станции под Полоцком. Прибывших красноармейцев на машинах перевезли в военный городок, где всех обмундировали, распределили по ротам. Так началась армейская жизнь Шалвы Сохадзе в частях Западного Особого военного округа.

Спустя время его перераспределяют в Сотую стрелковую дивизию, стоящую под Минском, а затем, как одаренного воина, направляют на срочные двухмесячные курсы политруков. С лейтенантскими петлицами Шалва Сохадзе начинает службу по разъяснению сложной политической и военной обстановки в своей роте.

С начала войны Минск оказался в зоне боевых действий на направлении главного удара 4-ой армии генерал-фельдмаршала Ганса Гюнтера фон Клюге. В ее интересах действовал подчиненный абверу диверсионный полк спецназначения «Брандбург». Об этом политрук Ш. Сохадзе, как и остальные, узнал позже. А пока что-то невообразимое творилось вокруг. В первый же день войны фашисты начали бомбить Минск: большие пожары, паника. Спустя три дня после начала войны нем-

цы уже оказались на дальних подступах к Минску, шли ожесточенные бои, переросшие 26 июня в кровопролитное сражение. К тому же с первых дней войны фашисты начали выброску немецких парашютистов и диверсантов в тыл оборонявшихся войск, часть из них была одета в советскую форму. Это вызвало еще большую панику. Политрук Ш. Сохадзе уже четвертые сутки почти не смыкал глаз.

Сотая стрелковая дивизия, которая первой приняла на себя мощный натиск немецких головорезов, отбив многочисленные атаки, 27 июня отбросила немцев на 10-14 км от своих позиций. В боях за столицу Белоруссии фашистам были нанесены значительные потери. Это был сверхгероизм воинов 100-й дивизии, которой в составе трех стрелковых дивизий, защищавших Минск, 18 сентября 1941 года первой в СССР присвоили звание гвардейской. 100-я стрелковая дивизия стала в Красной армии 1-ой гвардейской 28 июня, спустя шесть дней после начала войны, советские войска были вынуждены оставить Минск. Потоки беженцев, кругом пожары, в небе вражеские самолеты...

Позднее был получен приказ перекрыть дорогу Минск-Могилев. Выполнив приказ, сохадзевский полк, который входил в состав 100-й дивизии, оказался отрезанным от основных сил и пробивался на восток. У деревни Заозерная полк понес большие потери. В районе деревни Шипячи остатки полка вновь оказались в кольце. Против безоружных воинов (не было боеприпасов) гитлеровцы применили самолеты, танки и огнеметы. В окрестностях одной из деревень Круглянского района Могилевской области бойцы спрятали знамя 291-го полка. Уже после войны красные следопыты деревни Тетерино Круглянского района под руководством бывшего гвардейского политрука 3-го стрелкового батальона Ш. Сохадзе долгие годы вели поиск полкового знамени, увенчавшийся успехом! Сегодня это знамя хранится в местном музее...

Пробиваясь к своим, остатки батальона вновь оказались

в окружении. Ш. Сохадзе принял решение выходить мелкими группами, по 7-10 человек. Двигались в основном по ночам, перелесками, болотами. Бойцы валялись от усталости. Собрав последние силы, Шалва Сохадзе вывел группу в лес, в безопасное место. Так началась для лейтенанта-политрука Шалвы Сохадзе новая партизанская жизнь. Леса Белоруссии приютили разрозненные осколки дивизии. Грузинский офицер был сначала связным партизанского отряда, а дальше – командир отделения, взвода. Со временем численность партизан увеличилась и влилась в 8-ю партизанскую бригаду, которой командовал будущий Герой Советского Союза Сергей Георгиевич Жунин. Эта бригада действовала в годы войны на территории Могилевской, Минской, Витебской и Брестской областей, и к концу войны насчитывала 31 тысячу партизан, которая в общей сложности уничтожила 12 тысяч фрицев, разрушила 199 мостов, разгромила 7 гарнизонов, провела десятки рельсовых операций...

Большой вклад в это дело внес Шалва Сохадзе, особенно он отличился на линии железной дороги Минск-Москва, на участке Бобр-Крупки, где при его активном участии было подорвано несколько вражеских составов с боевой техникой и живой силой. Шалва Сохадзе по праву называли одним из героев так называемой «рельсовой войны». Были потери и среди партизан. До последних дней своей жизни Шалва Сохадзе постоянно вспоминал своих боевых товарищей-партизан, погибших в боях с фашистами, и особенно земляков-рачинцев Дмитрия (Дито) Двали и Иосифа (Сосо) Инашвили.

...В отряде Ш. Сохадзе познакомился с отважной партизанской Татьяной Дроздовской. Татьяна Ивановна после окончания Минского медицинского института работала врачом в местной больнице. Во время спешной эвакуации их состав был разбомблен, а вскоре беженцев окружили фашисты. Ей чудом удалось спастись. В лесу она вышла на местных подпольщиков, а те переправили ее в отряд С.Г. Жунина, где была острая нехватка

медработников. Татьяна Дроздовская неплохо знала польский язык, была бесстрашной партизанкой и часто участвовала в боевых операциях. Вскоре пара – Татьяна и Шалва – стала неразлучной. Они очень подходили друг другу. Весной 1943 года в лесах Могилевщины сыграли скромную партизанскую свадьбу. С того дня они никогда не расставались. Оба были рождены в один день – 25 декабря! 67 лет они провели жизнь в счастливом супружестве. До последнего дня жизни служили людям добром, и им отвечали тем же.

В 2010 году боевая подруга, верная супруга и заботливая мать двух сыновей скончалась. Спустя 5 месяцев после кончины супруги ушел из жизни в возрасте 95 лет Шалва Сохадзе.

В некрологе одной из центральных газет Могилевской области читаю: «23 августа 2010 года на 96 году скончался ветеран труда, заслуженный работник бытового обслуживания населения Ш.Э. Сохадзе. Печальная весть облетела Круглящину – ведь нет, пожалуй, ни одной семьи в районе, кому не известна эта фамилия. У него была особая жизненная позиция – даже в зрелые годы его активная общественная деятельность не знала границ. Уроженец небольшой горной деревушки Кутаисской губернии, он на долгие годы и десятилетия связал свою жизнь с нашей Круглящиной. Выпускник Тбилисского строительного техникума еще в 1939 г. он был призван в ряды Красной Армии. Служил в Белоруссии. Войну встретил политруком роты 100-й дивизии, которая в грозном 41-м отличилась в оборонительных боях на подступах Минска и Могилева. Затем вместе с разрозненными войсковыми группами остается на оккупированной врагом территории. Долгое время был партизанским связным. А с июня 1943 года – командир взвода партизанского отряда №28 бригады С.Г. Жунина.

После освобождения Белоруссии Сохадзе, как дипломированный специалист и коммунист, был оставлен руководством обкома партии в Круглянском районе, который наиболее сильно пострадал во время оккупации, поднимать разрушенное войной

народное хозяйство. Уже с июля 1944 года он работает заведующим районным отделением коммунального хозяйства. Люди бедствовали, жили в полуразрушенных домах и землянках. И здесь только незаурядные организаторские способности Сохадзе, который с 1945 года был утвержден в должности директора райпромкомбината, позволили в короткие сроки создать уникальную производственную базу, с несколькими кирпичными заводами, пилорамой, столярными цехами и др. Со временем появилась даже своя электростанция, которая питала ток не только производственные, но и особо важные социальные объекты.

С расширением услуг менялись только названия его должности. Но неизменным оставалось стремление – быть полезным и стране, и людям...»

А вот у меня на руках другая газета «Сельская жизнь» от 24 декабря 1999 г.: «Сохадзе прозвали – и это давно стало на Кругляшине синонимом «палочки-выручалочки», и этим сказано все. И так была вся его долгая жизнь. К нему шли многие пожилые люди, не только как к некогда районному администратору, знали, что он всегда поддержит человека в трудную минуту, поможет чем сможет. Окажет конкретную помощь. Он – председатель районного Совета ветеранов войны Вооруженных сил Белоруссии, а это – шесть тысяч человек.

Одиноким старых Сохадзе проведает на своей бричке, нередко со своей супругой-врачом. Бензин тогда был в дефиците. Так он на лошади и объезжал всех обездоленных и больных.

Грузин по национальности, он врос корнями в нашу землю. Его имя навсегда вписано в книгу «Память Круглянского района»...

Корни и крона! Шалва Сохадзе вместе со своей супругой вырастили прекрасных сыновей. Старший сын Владимир – кандидат химических наук. Своими собственными руками создал уникальное предприятие, которое является в Беларуси эксклюзивным производителем защитных материалов производственно-технического назначе-

Леван Долидзе у могилы Ш. Сохадзе

ния. У него растут двое сыновей. Юрий-Георгий телеоператор на Белорусском телевидении, а второй Денис – студент БГУ. Младший сын Шалвы Сохадзе – Сергей, после окончания юрфака БГУ долгие годы служил на руководящей должности в МВД Белоруссии, в звании полковника вышел на пенсию. Сергей Сохадзе мастер спорта по дзюдо и самбо, неоднократный чемпион Беларуси, призер многих международных и всесоюзных соревнований. Его старший сын – Вахтанг трижды мастер спорта по дзюдо, самбо и рукопашному бою, бронзовый призер чемпионата мира по универсальному бою. Младший Иракий – студент 5 курса Белорусского экономического института.

Сыновья и внуки Шалвы Эрастовича Сохадзе не раз бывали в Грузии, в Раче, где собиралась их большая родня – представители фамилий Сохадзе, Ткешелашвили, Тепнадзе, Парджанадзе...

Этим летом председатель Круглянского райисполкома А.Л. Щупленков в качестве почетных гостей пригласил сыновей Ш.Э. Сохадзе на празднование, посвященное 73-летию освобождения Круглянского района от фашистских захватчиков и 490-летию со дня первого упоминания местечка Круглое в исторических документах. Братья Владимир и Сергей пригласили в поездку и автора этих строк. Побывали мы в местном музее, где памяти их отца отведен стенд, и на кладбище, где нашли вечный приют их прославленные родители. Было много

встреч, интересных рассказов и воспоминаний о Ш.Э. Сохадзе... Все дома в Круглянах красивые, добротные. Лишь один старый дом в центре, на улице Победителей, 5 выглядел диссонансом в нарядном убранстве Круглящины. Это был их родительский дом! Ш.Э. Сохадзе все делал для других, откладывая для себя все напоследок! Так и прожил всю свою жизнь белорусский грузин из Рачи, оставив после себя незабвенную память...

Материал уже был готов к публикации. Я позвонил в Минск старшему сыну Шалвы Сохадзе – Владимиру Шалвовичу. Он был весьма тронут вниманием к памяти отца, просил передать свою благодарность редакции журнала «Русский клуб». В беседе со мной он привел интересный факт, о котором я, побывавший во всех областях Республики Беларусь, встречавшийся с десятками ветеранов войны, услышал впервые. Об этом удивительном случае В.Ш. Сохадзе узнал от отца.

Когда 16 июля 1944 года в разрушенной столице Белоруссии был проведен исторический первый Партизанский парад по случаю освобождения республики от фашистских захватчиков, впереди гордо шагавших по центральной площади колонн счастливых партизан «шагала» на веревочке... коза. Именно ей были обязаны жизнью сотни рожденных в глубоком тылу партизанских малюток и тысячи тяжелораненных партизан в суровые годы оккупации Белоруссии.

Центральная площадь Тбилиси

ТОГДА БЫЛА ВОЙНА

■ **Додо ВАДАЧКОРИЯ**

Перевод **Д. Чкония**

НОВЕЛЛЫ

1

Это было во время войны.
В Тбилиси стояли холода.

Все истосковались по солнечным ясным денькам, синим сумеркам, теплым дождям, по радуге, связывающей Ваке с Ортачала (Ваке и Ортачала – исторически сложившиеся кварталы Тбилиси. – Прим. пер.).

Казалось, и листья никогда не пробьются, и цветы не будут благоухать, и птицы не запоют.

Только низко нависало свинцовое небо.

От вокзала до Ваке и обратно громыхали трамваи с зашторенными окнами и подсвеченными красными крестами.

Мы совсем иначе представляли свою будущую жизнь, которая должна была наступить после получения аттестата зрелости. Но счастье обошло наше поколение – началась война.

С какими веселыми лицами тараторили мы на уроках истории о прошлых войнах. А теперь уходили в армию наши сверстники, друзья, товарищи. Пустели аудитории, пустели пере-

улки и... сердца наши. Хотя понятия «фронт» и «смерть» еще пока не укладывались в нашем сознании.

Помню, как в один из холодных дней небольшой компанией мы забежали к матери нашего товарища, который ушел на войну.

В недобрый час вошли мы в знакомую квартиру – пришло письмо с фронта.

– Проходите, ребята, проходите, – бедная женщина как-то странно улыбнулась, – вы только посмотрите, что здесь написано, – погиб! Но я этому не верю. Снаряд попал в человека... и его нашли изуродованным. Почему они решили, что это мой мальчик!

С фотографии на стене улыббалось мужественное лицо нашего товарища. Как? И он убит? Это просто невозможно представить...

Мы вспомнили, как однажды во время игры ему порвали штанину. Не обращая внимания, он продолжал метаться в воротах, встречая удары соперников, прыгал, как тигр – «закрывал» ворота. После игры

он вдруг сел, понуро склонив голову.

– Что с тобой, ты не ушибся?

– «Что? Что?» Как явлюсь домой с изодранными брюками? Сколько будет попреков!

– Невелика беда, зашьем, – успокаивали мы его.

Но после нашего ремонта брюки выглядели еще хуже.

Пришлось нашему вратарю возвращаться домой в сопровождении целой делегации...

А сейчас его мама впивалась взглядом в наши глаза, в полной растерянности и надежде.

Мы несколько раз перечитали письмо. Там было ясно сказано: прямое попадание в голову. Трудно было не расплакаться. Мать нашего друга, убитого где-то там, далеко, еще успокаивала нас, уверяя, что человека не мудрено с другим спутать, но мы почему-то неотвратно возвращались к мысли, что убит именно он, наш одноклассник.

Наконец она взяла письмо и сунула его под скатерть. И мы ушли.

А через неделю в университете стало известно, что мать нашего друга умерла.

2

Одно окно нашей комнаты выходило в узкий дворик. Напротив, совсем близко, словно подступая лицом к лицу, побле-

скивала на солнце крошечная застекленная галерея.

Приближалась сессия. Приходилось подолгу заниматься. Иногда, чтоб глаза передохнули, я приподнимала голову, и взгляд останавливался на сгорбленной фигуре. Это старушка одиноко сидела на галерее за бамбуковым столиком, пристально вглядываясь в одну точку. Я даже улыбнулась: старушка, похоже, тоже занимается. Но потом удивилась: рано утром, едва я раскрыла глаза, увидела ее на том же месте, в той же неизменной позе. Казалось, будто она со вчерашнего дня так и не поднималась из-за столика.

Я всегда знала ее бойкой, живой женщиной. У нее было три сына – три крепких, удалых парня. Каждое утро она появлялась с корзинкой в руках и торопилась на рынок. Соседи едва успевали поздороваться с ней. Вскоре она уже спешила обратно, с корзинкой, полной продуктов, и потом сновала туда-сюда, то появляясь в галерее, то вновь исчезая.

Началась война, и всех троих сыновей забрали в армию. И словно потускнела галерея, больше не сновала по ней старушка.

Однажды она несла из сарая щепки. Я помогла ей. Старушка не отпустила меня, вскипятила чайник.

– Выпей чаю, поговори со мной, а то вовсе онемею.

Она раскрыла дверцу шкафа, достала голубую фаянсовую чашку с засахаренным вареньем и разлила чай.

– Эх, детка, – пожаловалась она мне, – вот уже скоро год, как я ничего не знаю про своих ребят.

– Целый год, – вторила я, будто могла что-то сказать в утешение.

– Доживу до их возвращения?.. Как ты думаешь?

Что, по-вашему, я могла ответить? Только ком подкатил к горлу. «Господи, сколько же горя вокруг!» – мелькнуло в голове.

– Вот только фотографии... – удрученно сказала старушка, – а что мне еще остается?..

«Так вот над чем она просит живаает часами!» – сообразила я и обняла старушку.

Свою счастливую жизнь вижу я на этих фотографиях, – печально улыбнулась она и сгорбилась еще больше...

3

Стоял прежний весенний холод. Лишь изредка, словно затеявая игру с зеркалами, мелькал солнечный луч и тут же исчезал.

Перед выходными студентам обычно сообщали, кто и куда должен назавтра выйти на работу. Врачебные справки, болезни, всякие подобные причины во внимание не принимались.

Надо было пересыпать из товарных вагонов в кузова машин

зерно, натаскать для госпиталя запасы воды, да мало ли что приходилось делать в ту пору.

На этот раз мы отправились в Дидубе (один из кварталов Тбилиси – прим. пер..). Кое-как добрались до швейной фабрики. Из-за выкрашенных в синий цвет окон казалось, будто огромное серое здание фабрики стоит с выколотыми глазами.

Нас ввели в цех, где небольшими горками были насыпаны пуговицы, а рядом лежали зеленые гимнастерки.

Все кинулись к гимнастеркам, словно в них было заключено нечто, доставляющее нам радость. Работавшие у машин швеи улыбнулись.

Пришивая пуговицы, мы думали: кому достанется эта гимнастерка? Может, кто-то из друзей или близких наденет ее. А вдруг того, кто наденет гимнастерку, ранят, и она обгадится кровью...

Когда все присели отдохнуть, я незаметно взяла карандаш, бумагу и, пристроившись в уголке, стала писать.

«Кто ты, неизвестный воин? Какого цвета у тебя глаза и волосы? Веселый ты человек или угрюмый? Наверное, высокий и широкоплечий – ведь эта гимнастерка побольше других. Ты, должно быть, добрый и ласковый, ненавидишь все плохое и злобное, не предавал друзей и никого не обижал. Не убивал птиц и не разорвал их гнезд. Может быть, ты бывал в Грузии?»

Помнишь ли ты ее высокое и ясное небо, синие курчавые вершины гор, кипящие реки, радуги после дождей и грибной запах в лесу, жужжание пчел, лунные ночи и наши праздничные песни в Первомай и на Новый год?

Каким прекрасным было наше детство, и вот оно уже позади. Вчерашним мальчишкам уже не гонять мяч, не играть в лахти или казаки-разбойники. Один наш товарищ во время игры сумел завладеть знаменем, другой, из команды противника, догнал его и сбил с ног. Потом мы всем классом счищали с нашего смельчака кровь, перемешанную с кирпичной пылью. Теперь он без ноги, и бегать ему больше не придется – он ходит на скрипучей деревянной ноге.

Наш белокаменный университет перекрашен в черный цвет, чтобы уберечь от бомбежки. Без тебя и твоих друзей опустел проспект Руставели – кому там прогуливаться сегодня! Нет у нас радости, но нет и страха. Враг подошел к Кавказу, но вы встали грудью, которая тверже любого утеса.

Я стараюсь представить тебя. Вот ты читаешь мое письмо, улыбаешься. Пытаешься меня представить. А у меня длинные волосы и зеленые глаза.

Наверное, у тебя есть любимая? Напиши. И я пойду к ней, помогу и согрею, расскажу о своем письме.

До свидания, мой побра-

тим!»

Я уложила письмо в левый нагрудный карман гимнастерки. Кто знает, может, будущий ее хозяин и слова не слышал по-грузински и край наш видел только на карте...

Но тогда я об этом не думала. Тот, кто защищает Отчизну, все равно поймет. У наших воинов на всех одно общее сердце.

4

«Люблю. Люблю – и конечно...» – так каждый день начиналась страничка моего дневника.

Тогда я особенно любила солнце, мороз, ветер и тот чудесный дождь, который бывает весной в Тбилиси.

Но дождь идет, что ни вечер, дождит и дождит, и сердце разрывается: прекратится ли он? Может, в нижних переулках дождь уже прошел? Может, на Руставели светит солнце? Пересчитываю пробившиеся сквозь дождь солнечные лучи.

«Пройдет – не пройдет, перестанет – не перестанет?»

А на улице – сплошной ливень, и потоки воды несутся с Мтацминда.

«Уже проверено, стоит мне подумать о встрече с ним, и сразу начинается дождь!»

Ага, кажется, слабеет. Смотри-ка и в самом деле перестал! Слово кто-то отдернул наконец занавески из тоненьких струй. Сразу на душе стало светлее. Деревья, шурша на ветру, стряхивают последние капли.

Иссякли уличные лучи и выглянуло солнце!

И засияли улицы, дома, деревья, застучали каблук прохожих.

Эй, птицы, давайте улетим!

Теперь у меня совсем иные мысли: «Вот уж испытано: стоит подумать о встрече с ним, и дождь прекращается!»

Какие красивые у нас улицы и потерявшиеся в зелени переулки. А тувельки у меня какие! Я с удовольствием оглядываю себя, отраженную в чьих-то окошках.

А сердце стучит сильнее и сильнее.

Возле оперного, под часами, он ждет меня.

Ну и что ж, что лил дождь. Мы любим – и кончено. До знакомства он лишь глазами улыбался мне и проходил мимо. И теперь-то не очень красноречив и все откладывает на потом слова, которые мог бы сказать (и пускай молчит, глаза все говорят за него). Да он и не представляет, что нужно сказать. Слово между прочим, осторожно стряхивает он с меня слетевшие с веток капли. Прибавили мою мелочь к его деньгам и зашли в кино. Тепло, нежно соприкасаются наши плечи, и не имеет значения, какой там крутят фильм!

Мы любили и... даже не испытывали вкуса поцелуя! Ворвалась война... И слова, которые хотелось произнести тогда, в дождливый вечер, ушли вместе с ним на войну. Потом стояли холода. Съежившиеся, мрачные, шли мы на лекции. И, словно в полночь, был пуст и безлюден днем проспект Руставели.

А поезд шел и шел к фронту. И наши парни пели всю дорогу, шутили – они прощались с родными горами, реками, лесами. А сердца их бились так же громко, как стук колес, уносивших их все дальше и дальше от дома... Медленно плелись домой старики, матери, сестры, жены, дети и опечаленные горькой разлукой возлюбленные.

А паровоз с истошным воплем и шипением увозил состав к фронту.

Старшина Р. Чхаидзе

Бомбардировщик Ил-4 на боевом задании. 1942

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ТАНГО

■ Борис ШАХНАЗАРОВ

...Июнь 1942 года. На подмосковном аэродроме военного авиазавода близ Филей заканчивалась подготовка к полету бомбардировщика дальнего действия Ил-4. Механики уже опробовали мотор, контролировали работу приборов, проверили бомбовый отсек. Командир корабля майор Нижниковский, штурман майор Баленко, стрелок-радист старшина Чхаидзе и стрелок нижней турели рядовой Савин 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного Смоленского, Будапештского Краснознаменного полка, направляясь к стоянке самолета, продолжали на ходу (времени на сборы, как обычно, было в обрез) обсуждать детали предстоящего полета. Перед экипажем стояла сложная боевая задача – перелетев через линию фронта и, преодолев 900 км до Берлина, произвести в ночное время бомбовый удар по вражеской столице и сбросить листовки.

– Все готово к полету, – от-
рапортовал начальник назем-

ной службы.

Летчики заняли места в кабине, запустили мотор и Ил-4 вырулил на взлетную полосу. Короткий стремительный разбег. Нагруженный бомбами тяжелый бомбардировщик с бортовым номером 13, набрав высоту, лег на боевой курс.

Не станет ли роковым для экипажа этот номер, вызывающий у многих отрицательные эмоции? Но летчикам было не до суеверий.

Под прикрытием ночи самолет пробивался в тыл противника.

До цели было уже недалеко. И хотя никто из летчиков внешне ничем не выдавал волнения, каждый знал, что последний этап будет самым трудным

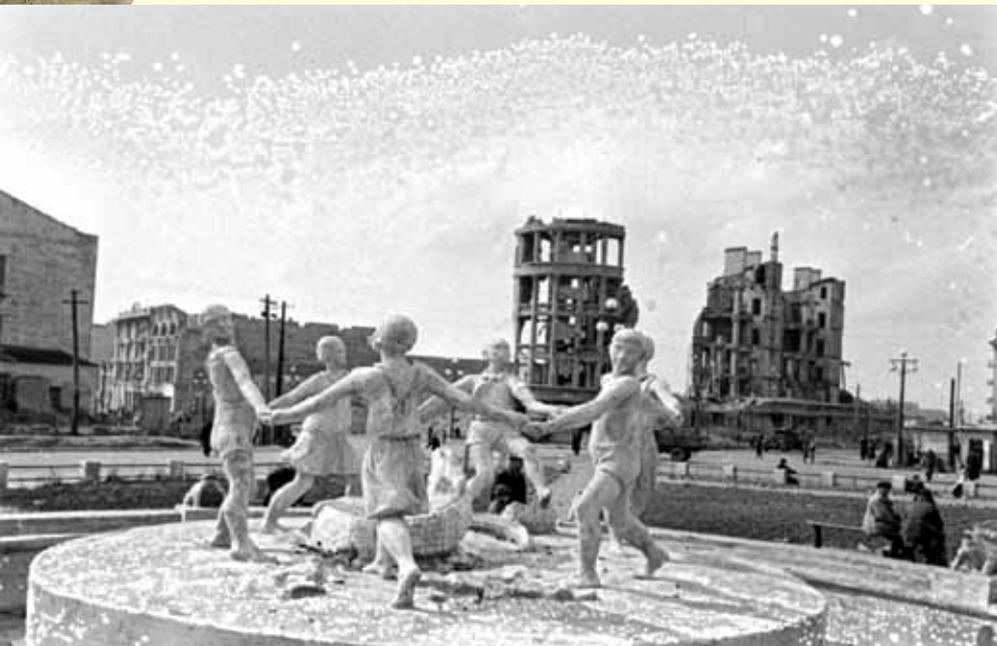
– Берлин обороняют несколько зенитных поясов, небо над столицей контролируют десятки прожекторов, а аэростаты заграждения, невидимые в темноте, таят дополнительную опасность.

Ожидания не обманули: прожектора, обнаружив в небе

одинокий бомбардировщик, высветили его на перекрестье лучей, давая ориентир для зенитчиков. Но экипаж был готов к такому испытанию. Командир Нижниковский то резко посылал машину в глубоком пике, то вновь набирал высоту, становясь недосягаемым для лимитных снарядов. Под прозрачным колпаком турели Реваз Чхаидзе корректировал эти маневры, изыскивая лазейки, чтобы уклониться от лучей прожекторов и уйти от огня. Самолет, наконец, вырвавшись из огненного плена, сбросил над Берлином бомбы, листовки и лег на обратный курс.

И тут выяснилось, что из-за зенитного обстрела осколками снарядов были повреждены навигационные приборы, машина лишилась управления – вести ее вслепую было невозможно. И тогда «глазами» летчиков стал Чхаидзе. Настроившись на нужную волну, он контролировал курс по радиокомпасу.

Полет продолжался, горячее было заправлено с расче-

Сталинград

том на беспосадочный бросок в оба конца. Наконец, израненный бомбардировщик опустился на своем аэродроме. Члены экипажа доложили руководству, что боевое задание выполнено. Номер 13-й на борту оказался счастливым...

В полку любили грузинского воина за мужество и отвагу, за общительный, жизнерадостный характер, за добрые отношения с однополчанами. Экипажи нередко предлагали ему совместные вылеты – говорили, что с ним всегда везет, неуязвим он для врага. И летчик оправдывал такое мнение. Однажды в воздушном бою, когда два «Мессершмитта» атаковали бомбардировщик, Чхаидзе удалось прицельным огнем подбить вражескую машину. Второй истребитель ушел в облака. Казалось, фашист решил скрыться. Но вражеская машина появилась вновь и пошла в наступление. Реваз парировал атаку ответным огнем. В результате и второй самолет был сбит.

1942-й год ему запомнился не только рейдом в тыл врага, но и первой боевой наградой – за успешное выполнение дерзкого налета на Берлин ему вручили первую боевую награду – орден Красной Звезды и

присвоили звание старшины.

– Везет же тебе, Резо, можно сказать, что родился в сорочке, – комментировали после боя однополчане, – был бы ты ростом повыше, распрощался бы с жизнью.

Михаил Сильвиди, как и Резо, был стрелком-радистом, родом из Аджарии, любил петь грузинские песни, особенно народные.

Мишу хорошо знали все экипажи – у него был единственный в полку старенький, довоенного выпуска коломенский патефон. В перелетах на фронтовых аэродромах сохранилась одна-единственная пластинка – «Сентиментальное танго»:

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви...

Летчики полка слушали эту мелодию перед вылетом и во время отдыха после боев, а по вечерам, в часы затишья, приглашали на танго полковых связисток и медсестер. И старое танго напоминало о мирных днях, где не было места боевым вылетам, воздушным боям, бомбовым атакам...

Однажды Миша не вернулся с очередного боевого выле-

та. И патефон звучал как будто печальнее, напоминая о бывшем владельце.

Минуло несколько месяцев. После очередного боевого задания командир экипажа Нижниковский поздравил Реваза с сотым боевым вылетом и сообщил, что командование полка предоставило ему краткосрочный отпуск на родину.

Дома фронтовика ждали родители, сестры, друзья, старый шарманщик Иона – об этом он потом вспоминал в своем дневнике. Резо хотел навестить и мать Миши Сильвиди, рассказать о совместной службе, о героической гибели ее сына. Но друзья отговорили: мать Миши не поверила похоронке и все ждала, что сын вернется домой.

Об этих событиях нам рассказал близкий друг Реваза Чхаидзе участник Отечественной войны Давид Якобашвили.

Воспоминаниями с нами поделилась и вдова Реваза Тарасовича Лейла Сергеевна Чхаидзе:

– После окончания средней школы Резо отправился в Москву, собирался поступить в вуз. Война перечеркнула все планы. 19-летним юношей он ушел на фронт и прошел войну

На улицах Кенигсберга

Берлинский Рейхстаг

Якобашвили – участника боев на подступах к Москве, военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, битвы на Кавказе, где его трижды ранило.

В архивных документах Министерства обороны СССР отыскан последний наградной лист с боевой биографией Р. Чхаидзе: «Выносливый, бесстрашный, смелый воздушный воин». И под представлением к высокой награде заключение бывшего командующего авиацией дальнего действия, Главного маршала авиации А. Голованова: «Реваз Тарасович Чхаидзе достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Он один из тех мужественных летчиков, кто за свои заслуги перед Родиной имеет

от первого дня до последнего. К воспоминаниям Давида Якобашвили могу добавить, что Резо вместе с экипажем оборонял Ленинград, Сталинград, совершал налеты и на другие объекты – в Кенигсберге, Штеттине, Будапеште, Данциге, Тильзите.

В годы войны он совершил 314 дальних боевых вылетов, из них 299 – ночью. Свой последний вылет выполнил в небе Берлина в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. И первым из членов экипажа узнал о победе советских войск над гитлеровскими захватчиками.

Ратные подвиги моего супруга получили высокую оценку. Он был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга» и другими боевыми наградами.

В 1947 году Резо вернулся из армии домой. Поступил в Грузинский сельскохозяйственный институт, где училась и я. Мы оба получили профессию инженера-технолога. В 1952 году сыграли свадьбу. После института он защитил канди-

датскую и докторскую диссертации, стал профессором, ректором Грузинского научно-исследовательского института чая и субтропических культур в Сухуми. Позже его перевели в Тбилиси на должность заместителя министра пищевой промышленности Грузии.

Среди наград в послевоенные годы – орден «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть». Семья у нас большая – сын Георгий и дочь Мариам, оба с высшим образованием, пятеро внуков, в том числе Резо Чхаидзе-младший.

Муж поддерживал тесные связи с однополчанами, переписывался с ними, был в курсе всех дел. Любил слушать песни военных лет, напоминавшие о прошлом. А когда звучала мелодия старого кино, на глазах появлялись слезы – на всю жизнь он сохранил память о фронтовом друге Мише Сильвиди.

К сожалению, с каждым месяцем редуют ряды участников Великой Отечественной войны. В 2009 году в возрасте 89 лет скончался мой супруг Резо Чхаидзе, с которым мы прожили в любви и согласии 57 лет. Не стало и друга Резо Давида

Зам.министра пищевой промышленности Грузии Р. Чхаидзе

беспорное право носить это высокое звание».

Ходатайство маршала не достигло цели. И вряд ли после распада СССР достигнет. Главное, пожалуй, в том, что дети, внуки и правнуки Реваса Чхаидзе, наследники Победы, гордятся своим отцом и дедом, подлинным героем Отечественной войны.

Буры отражают атаку англичан. 1900

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

На протяжении большей части прошлого века многие поколения, выросшие на хороших детских книгах, а не на экранизациях комиксов с примитивным содержанием и лихими компьютерными спецэффектами, восхищались капитаном Сорви-голова. Они хотели быть похожими на героя одноименной книги Луи Буссенара – Жана Грандье, воевавшего в Южной Африке за свободу маленького народа. И невдомек было большинству юных тбилисцев, зачитывавшихся этой книгой, что в их городе жил не литературный персонаж, а подлинный участник легендарной англо-бурской войны 1898-1902 годов. Да еще носивший громкое имя представителя грузинской царской династии – Николай Багратиони-Мухранели. Впрочем, в историю он вошел под более коротким именем – Нико Бур.

Так что же это за война на стыке XIX и XX столетий привлекала к себе внимание всего мира и прославила грузинского князя? Англия вела ее с бурми – потомками голландских переселенцев в Южную Африку. Те создали два государства – Трансвааль и Оранжевую республику на землях, оказавшихся богатыми залежами золота и алмазов. Британия впервые в мировой истории применяет тактику «выжженной земли» и расстреливает заложников. В концлагерях погибают свыше 4.000 женщин и 22.000 детей – почти шестая часть всего мирного населения. И это при том, что в ходе военных действий было убито 8.000 буров. Так в истории человечества появилась война, на которой впервые жертвы мирного населения в несколько раз превысили число погибших солдат. Поэтому, несмотря

на то, что буры использовали рабский труд чернокожих, симпатии мировой общественности оказываются на их стороне. В их армии добровольцами воюют представители разных стран и, конечно, Российской империи. Среди около трех тысяч волонтеров они составляют почти десятую часть. И в их числе князь Багратиони-Мухранели, который, между прочим, покидая Грузию, вовсе не намеревался оказаться на войне. Чтобы понять, как это все-таки произошло, познакомимся с ним поближе. Помогут нам в этом комментарии самого Николая Георгиевича.

В 1868 году князь Георгий Багратиони-Мухранели спешит с Турецкой войны в родовое имение на радостное событие – крещение сына Николая, где «блеснул ярким красноречием и ораторским талантом» новый

Князь Николай Багратиони-Мухранели

мировой судья Душетского уезда. Зовут его Илья Чавчавадзе. Став взрослым, Николай пересказал то, о чем узнал от своих родных: «Согласно тогдашнему этикету, Чавчавадзе, делая визиты, объезжал всех помещиков вверенного ему уезда, но наш дом, как ближайший к Душету и полный молодежью, составляющий веселый и культурный кружок, наиболее привлекал юного поэта. Он, ввиду политики, знакомил с русской литературой, внедрял и русский язык, вступая в прения. Одним словом оживил дом, его приезды ожидалось с большим нетерпением». А на церемонии крещения Чавчавадзе «на изысканно-грузинском языке, (так присущем ему)» призвал воспитывать детей «в строго-грузинском направлении – внушать любовь к родине, к народу, стараться вникать в его нужды, уметь подходить к его душе».

Вообще же, в этот дом приезжали и другие замечательные люди. «Бывал Платон Иоселиани и очень юный Рафаэль Эристов (поэт Эристави – В.Г.) – веселый – любитель танцев, он учил танцевать моих младших теток... Часто гостил и Николоз Бараташвили, «с восторгом читали его стихи и пели под аккомпанемент тари «Суло Борото». Но родители мальчика, родившегося в столь замечательном доме, очень заняты делами, и, к счастью, рядом с ним оказывается коллега пушкинской Арины Родионовны. «Вопрос, как прекрасна земля, из чего она состоит, как она за-

селена, неотвязно занимал мой детский ум, благодаря сказкам моей старой няни Тинатин... Она нежила меня». И читала не только сказки, но и поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Маленький Нико «весь дрожал, переживая, не мог спать и рвался в неведомые края, которые расписывала няня, давая себе слово со временем непременно побывать в них и, главным образом, воплотить чарующего Таризэла». Так, его идеалом на всю жизнь становится герой руставелевской поэмы.

Тем временем отца донимают кредиторы, имущество распродается с аукциона: «Весь правый берег Куры от Мухранского моста, где был плот, который перевозил публику с Песок на Авлабар. Это передвижение давало порядочный доход, его мы лишились. Так катился шар разорения...». И князь Георгий решается на отчаянный шаг – просит самого императора Александра II списать огромный казенный долг – 600 тысяч рублей с процентами, накопившийся после того, как сбежал финансист, присвоивший деньги вкладчиков государственных подрядов. Прошение «тогдашним высоким слогом» пишет Платон Иоселиани, женившийся на сестре князя Анико и ставший чиновником особых поручений в канцелярии наместника Кавказа. Казалось бы, между императором и провинциальным дворянином – дистанция огромного размера. Но царь удовлетворяет прошение!

Шестилетнего Нико со старшим братом Леваном решают «изъять из домашней обстановки и отдать во французскую семью». Таковой оказывается семья тифлисского парикмахера Берлемона. В ней мальчиков так обучают французскому, что они... забывают родной язык, а парикмахер с женою хвастаются, что «выдрессировали маленьких азиатов». Через три года у братьев начинается другое обучение – подготовка к гимназии, куда принимали с десяти лет. Живут они в доме Платона Иоселиани, где собирается «все, что было мало-мальски культурного, высоко стоящего в общественном и умственном отношении». У ребят светлая уютная комната, им приглашают преподавателей, под ласковым присмотром тетушки Анико и ее мужа Платона обучение идет споро. Затем – гимназия и «жизнь вошла в свою колею. Зимой – Тифлис, летом – Мухрани».

А потом умирает отец, и семнадцатилетний Нико берет на свои плечи хозяйство, так и не окончив гимназию. Потом он, «вступив в жизнь, быстро ориентировался». Торгует шерстью, а подряды Карской железной дороги приносят ему «небольшой капитал». Его уважают настолько, что включают в дворянскую депутацию, отправившуюся в Санкт-Петербург на коронацию Николая II. На берегах Невы он знакомится с лучшими представителями русской интеллигенции, в Москве встречает друга-тезку, князя Николая Орбелиани и вместе с ним отправляется в Нижний Новгород – посмотреть знаменитую Всероссийскую выставку. По дороге Орбелиани делает предложение, от которого невозможно отказаться: поохотиться в Африке на львов «с целой компанией любителей природы и охоты». «Вот где восстал Таризэл во всем блеске мужества и отваги. Я уже мог быть его прототипом, – вспоминал Нико. – Из болезненного хилого ребенка я превратился в колосса, легко ломающего двадцатикопеечную монету. При этом предложении, я под-

Президент Трансвааля Пауль Крюгер

скочил от счастья. Я был близок к цели, к давно лелеянной в тайниках моей души, чуть ли не с колыбели».

Конкретное приглашение на сафари приходит от Орбелиани в Тифлис в январе 1900-го, и Николай отправляется в Петербург, скрыв от матери, что покидает «не только пределы Грузии, но и Россию, так как боялся ее слез и просьб не уезжать». Главное для него – «близко познакомиться с неведомым миром, в мечтах так многое сулившим». Но отправка из Петербурга в этот неведомый мир задерживается – месяц приходится ждать Орбелиани, который никак не может закончить свои дела. Да и по приезду в Париж он никуда не торопится – «заартачился, парижанки так вскружили ему голову, что он забыл все, уверяя, что львы и тигры его подождут». Тщетно прождав друга и убедившись, что другие участники поездки уже не появятся, Нико отправляется в Африку в одиночку.

На пароходе из Марселя в Александрию он только и слышит, что разговоры о бурах и англичанах. То же самое происходит и в Александрии, так что приходится просить разъяснения у хозяина гостиницы. «Когда он мне сказал, что англичане хотят подчинить себе свободолюбивых буров, создать колонию, я, враг всякой несправедливости, особенно в отношении малых народов, вспомнив милую, родную Грузию, решил ехать к бурам и стать в ряды их доблестных войск». Вообще-то, он собирался надолго задержаться в Риме, но «клич войны затушил всякие желания; захватило одно горячее желание – помочь маленькому народу, дать возможность развиваться его политическому значению, его существованию... Я не знал и никогда не слышал о бурах. Где они? Кто они? Но это было тождественно с моей родиной и мне казалось, что я стою за нее». В общем, «с облегченным сердцем, в красных очках, с большим запасом лимонов и лекарств», он отправляется на Мадагаскар

– колонию Франции, извечного врага Англии.

С Мадагаскара – в Южную Африку, где многие говорили по-французски, так что Нико «себя чувствовал в своей сфере и мог сам себя обслуживать». Не снимая грузинского национального костюма («я хотел в нем представиться»), он разыскивает Пауля Крюгера, президента Трансвааля, и изумляется: известный на весь мир глава государства живет и принимает посетителей в обстановке, далекой от всякой официальности и помпезности. «Мы долго разглядывали друг друга. Мой вид – костюм – его поразил... Он о существовании Грузии и грузин никогда не слышал, я хотел было обидеться, но вспомнил, что я тоже не только не знал, но даже никогда не слышал о колониях, о бурах, но в это время я очень хорошо изучил их страну и быт, что я и сказал ему».

Крюгер растроган, его жена, «сделав глубокий, чуть ли не придворный реверанс», подает кофе. Нико же просит лишь об одном – поскорее отправить его в армию, желательно к командиру, говорящему по-французски. В ответ Крюгер «за такой, как он выражался, подвиг» предлагает деньги и земли! «Но я отклонил всякие вознаграждения, в деньгах я не нуждался, а имение у меня есть в моей дорогой Грузии. Я исполняю просто движение моего сердца помочь храбрым бурам, которым сочувствует весь мир». Свидетели их беседы в восторге: «к титулу принца (князя) они равнодушны... они думали, что имея принца в своей армии, они этим привлекут внимание Европы». Нико тоже в восторге – сбылись его мечты стать героем: «Я на вершине достижения всех моих желаний. Я воплощенный Тариэл. Где, где ты, моя дорогая няня Тинатин, чувствуешь ли ты, как я тянусь к тебе, как я чту твою дорогую память, ведь тебе я обязан этим».

Он попадает к полковнику Жоржу де Вильбуа-Марейлю, командиру интернационального европейского отряда – предшественника знаменитого французского Иностранного легиона. В нем – шведы, голландцы, французы, американцы. Ближе всех Нико сходится с «французом, хрупким, небольшого роста графом Бреда». Оказывается, что Вильбуа-Марейлю известны Грузия, и

Жорж де Вильбуа-Марейль

Интернациональный отряд армии буров - предшественник французского Иностранного легиона

фамилия Багратиони – он читал работы французского картвелолога Мари Броссе. Князь пополняет его знания по истории Грузии и получает должность: «Меня чрезвычайно обрадовало, что Вильбуа меня, не военного выбрал себе адъютантом, надеясь на мою крайнюю исполнительность».

Но горячая кровь мешает этой исполнительности: «Несмотря на строгий приказ Вильбуа – без его распоряжения не выходить за пределы окопов, я по ночам... совместно с бурами делал вылазки. В одной из вылазок, я, по собственной инициативе, которой охотно подчинялись буры, зацепил один из огромных обозов англичан... Восторгу не было конца, меня даже вздумали качать, я отклонил подобное чествование, ведь я весил 8 пудов – вес не малый... Я не хотел, чтобы мой хваленый подвиг дошел до ушей Вильбуа... Чтобы не служить мишенью для англичан, мне пришлось моего белого иноходца обменять на пегую лошадь... Мне необыкновенно везло, несмотря на мои бесчисленные рекогносциров-

ки и вылазки, ни разу не был ранен». Да что там вылазки, он не получает ни одной царапины и в нескольких крупных сражениях. А удача изменяет ему весной 1900 года. У Босгофа на отряд, расположившийся на отдых, внезапно нападает противник. «Произошло кровопролитное сражение, и девять дней шла эта беспримерная бойня: погибло 3/4 нашего, можно с гордостью сказать, доблестного полка». Тяжело раненый Вильбуа-Марейль умирает на руках Нико и его товарищей, которые затем попадают в плен.

О чем думает лишенный свободы Багратиони-Мухранели? «Я должен был так постыдно умереть на чужбине, вдали от близких и дорогих моему сердцу. И все же мое сердце билось в унисон с разумом, с сознанием, что я внес маленькую лепту для счастья этого геройского народа». А когда он узнает, что вместе с другими пленными его расстреляют, рождаются уже иные чувства: «Вильбуа говорил мне, что во всех французских и даже американских газетах писалось о моем

Пленные буры в Джорджтауне. Стрелкой слева внизу отмечен Нико Бур

Пленные офицеры на острове Святой Елены.
Сидят: слева - Нико Бур, справа - граф де Бреда

участии в бурской войне и, что если подобное известие попадет в газеты и, благодаря этому, мать моя узнает о моей участи, какой это будет для нее удар. У нее возникнет безответный вопрос – где эта страна и как он туда попал? Мысль о матери наполняла мое сердце в этот трагический момент теплой радостью, давала возможность бодро смотреть в глаза приближающейся смерти и я невольно вынул карточку, долго смотрел на дорогие черты, и в лице ее прощался с родиной... затем отдался в руки жестокой судьбы».

С этой фотокарточкой Нико встает у стены перед расстрельной командой. И тут руководящий казнь офицер обращает внимание не только на его необычный костюм, но и на снимок. Услышав, что перед ним грузин, офицер «страшно поразился, а узнав фамилию, отскочил, отставил от расстрела». Проведя несколько дней в тюрьме, князь предстает перед грозным главнокомандующим британскими войсками графом Гербертом Китченером. Объяснив, что приехал защищать слабых, Нико заявляет, что возмущен расстрелом пленных. В ответ он слышит: «Мы расстреливаем не военнопленных, а мятежников, а вас, как военнопленного, высылаю по распоряжению английского правительства на остров Святой Елены». Так грузинский доброволец оказывается на острове, где провел свои последние дни Наполеон Бонапарт, под городом Джорджтауном.

Он живет в палатке офицерской части лагеря, кроме тахты там ничего нет, и остальную мебель он делает сам, «так как времени было много». Дневники, которые он вел у буров, отбирают, вести новые не разрешают. «Письма же писать в Европу можно было только открытки и то раз в месяц. Эти открытки проходили строгую военную цензуру. Однажды мне захотелось написать матери по-грузински. Эта открытка не прошла. Меня потребовали в цензуру и вернули ее, несмотря на то, что я дословно перевел написанное». Но

Лагерь для пленных буров

нельзя не отметить, что условия жизни у него совсем не те, что мы представляем в ассоциации с понятием «лагерь военнопленных».

Есть «письменный стол, не большой, но очень удобный для занятий», гардероб, сделанный из ящика и еще один ящик – провизионный, в котором «можно было найти одну маленькую банку сахара, одну банку пикулей, одну маленькую коробку какао, полдюжины спичек и папиросы». Навещает французский консул, живущий в доме Наполеона, князь вместе с однополчанином Пьером де Бреда совершает ответный визит и даже расписывается в книге для посетителей. Ему выделяют камердинера из пленных французов, который смотрит за ним, как за ребенком. И он «уже в 7 часов утра пил душистый кофе с сахаром и со сливками». А в «одно утро вошел ко мне

Граф де Бреда (слева) и Нико Бур по возвращении во Францию

Нико Бур с дочерьми Натальей и Русудан

полковник-комендант узнать, действительно ли я потерял шляпу. Убедившись в правдивости донесения, через английского офицера же прислал мне совершенно новую шляпу». Ну а английские офицеры предлагают Нико возглавить... теннисный клуб.

И все же это – плен. Большинство буров в палатках спят на голой земле и скудно питаются, свирепствует тиф, питьевая вода отвратительна. К счастью, комендант, добрый человек, как может, скрашивает жизнь пленников и Нико предлагает ему организовать конные скачки, чтобы собрать у населения острова деньги для лагеря: «всякие футболы, волейболы приелись и потому не приносят желательного дохода, нужно что-то новое, бьющее по нервам публики, чтобы вызвать желание помочь». На этом «шоу» у гиганта-князя – свой номер. К каждой его руке привязывают по необъезженной лошади, они «разом рванулись, но не сдвинули меня с места, они встали на дыбы, всячески стараясь вырваться и сдвинуть меня с позиции, но я не шелохнулся, даже покрикивал на них». В результате конного представления лагерь получает доход в 2,5 тысячи фунтов стерлингов.

Между тем весть об экзотическом пленнике острова Святой Елены достигает «большой земли», и посылки, посылаемые пленникам со всего света, адресуются, в основном, именно Нико. На его имя даже приходит корабль из Южной Америки, груженный продовольствием и одеждой. Но у князя своя забота: «Молчание моей матери, да вообще всех моих родственников, повергло меня в отчаяние, я предполагал, что англичане

Князь Н. Багратиони-Мухранели (сидит в национальном костюме) с друзьями. Начало XX века

не посылали моих писем... Все пленники получали письма, а упорное молчание моих близких наводило сомнение в моем происхождении. Публика, шутя, поднимала этот вопрос, что весьма сокрушало меня».

Через семь месяцев ему предлагают свободу, если он пообещает больше не возвращаться в Африку и уехать за свой счет. Нико добавляет свои условия: перед отъездом его доставят в столицу буров Преторию, чтобы взять деньги из банка, а с острова привезут прямо к российской границе. Но ни в Преторию, ни в сторону России его не везут, а отправляют в Англию на деньги графа де Бреда, который тоже освобожден. Перед отъездом Нико доказывает, что он настоящий грузин – приглашает коменданта лагеря в гости, а с бурами распивает вино. И каждый из них дарит ему на память «какую-нибудь вещь своей работы». Через Лондон они с де Бредом попадают во Францию. Нико осматривает музеи Парижа, гостит у однополчанина в имении под Туром, получает от матери тысячу рублей, и, взяв с де Бреда слово, что тот приедет в Грузию, отправляется на родину.

В Петербурге его встречает толпа журналистов, которым на следующий день приходится переместиться от отеля к... гауптвахте. Там Нико проводит неделю «по распоряжению военного министерства за самовольное пребывание в иностранной армии». Арест скрашивают визиты Николая Орбелиани, который так и не добрался до Африки. К тому же, «офицерство, во главе с генералом, который не раз посетил меня в моем заключении, прекрасно ко мне относилось». Наконец, поезд уносит его на родину. «У врат роскошной Грузии меня встретило безоблачное небо, яркое солнышко золотило верхушки гор, окаймлявших Мцхет, где величаво возвышался купол Мцхетского собора... Я повидал мир, приобрел друзей, свои познания я хотел применить к делу. Мой приезд на родину был для меня торжеством». Тариэл, живущий в нем, проявил себя в полной мере.

Нико Бур (второй справа) на Первой мировой войне. 1915

Отбиваясь от настойчивых репортеров, он с радостью принимает приглашение Ильи Чавчавадзе, который «тепло принял, сказал, что если грузин защищает чужое отечество, то без сомнения, не задумываясь положит свою жизнь за свою прекрасную Грузию и сознавать это, ему особенно приятно» Круг завершен: великий Илья и напуганный в жизни Нико при крещении, и приветствовал его как вернувшегося с войны героя. В Тифлисе князь узнает об окончании англо-бурской войны: «В конечном счете, я был уверен в победе англичан, но все же был удручен...» Правда, эту печальную весть скрашивает то, что из Йоханнесбурга ему присылают все его оружие.

Нико Бур больше не покидает родину надолго. Он женится на одной из лучших выпускниц Смольного института благородных девиц Анне Бучкиашвили, в которую влюбился еще до отъезда в Африку и портрет которой писал карандашом на острове Святой Елены. Он хоронит брата Левана и сменяет его на посту предводителя дворянства Душетского уезда, растит трех дочерей и сына, в годы Первой мировой войны воюет на Кавказском фронте. Когда к власти приходят большевики, семья решает уехать во Францию, где ее примет де-

брета, но в последний момент Нико передумывает. Вместе с ним остаются жена и дочь. Две другие дочери и сын уезжают. Им больше не доведется увидеть отца, но Ирина Багратиони-Мухранели в эмиграции доказывает, что она – достойная дочь Нико Бура, сражаясь во время Второй мировой войны в рядах французского Сопротивления.

При советской власти князю живется нелегко. После пода-

вления антибольшевистского восстания 1924 года разгорается красный террор. Больше половины его родственников арестованы, а сам он лишается прав на работу. Но Нико не сдаётся, пишет соратнику Ленину, председателю Президиу-

ма Центрального исполнительного комитета (высшего законодательного, исполнительного и распорядительного органа) Грузинской ССР Михо Цхакая заявление о предоставлении пенсии как участнику англо-бурской войны. И тот накладывает потрясающую резолюцию: «Предоставить, если буры не были контрреволюционерами». Очевидно, большевики все-таки сочли буров таковыми, потому что пенсию не дали.

Распродав остатки мебели и картин, он живет в нищете, торгует на улице сигаретами – облачившись в национальный костюм, с подчеркнутым вызовом. И при этом находит время восстановить свои записи и напечатать на машинке книгу «У буров», опубликованную почти через двадцать лет после его смерти. А умер он тихо, в 1933-м. Кладбище, на котором его похоронили, советская власть уничтожила, разбив там парк, названный именем «пламенного большевика» Кирова.

До конца жизни Нико Бур гордился тем, что часть его грузинского костюма – куладжа – была в Йоханнесбурге в английском музее, «напоминая им, что грузин всегда и везде постоит за свободу, а тем бо-

лее за свободу и национальную честь своей дорогой родины и не уступит врагу ни пяди земли». Он не носил в Южной Африке звание капитана. Но Сорви-головой был.

Сицилийские копполы

КОППОЛА ПО-ГРУЗИНСКИ

■ **Анастасия ЭРИСТАВИ**

Есть такое устойчивое выражение – герой своего времени. Имеется в виду, естественно, человек. Но есть и неодушевленные герои своего времени. Об одном из них, говоря современным языком – трендов, наш рассказ.

Речь пойдет о кепке-аэродроме. Популярность этот предмет особой гордости грузин, а затем и всех кавказцев, набирал с 50-х до 80-х годов XX века. Но пик пришелся на семидесятые; тогда мужчины советского юга почти поголовно носили эти аэродромы. Справедливости ради надо заметить, что не только советских мужчин отличала любовь к таким кепкам. Мой коллега-журналист – большой любитель

и знаток джаза рассказал, что когда в Тбилиси прибыл ансамбль Би-Би-Кинга, они были настолько очарованы этими кепками-аэродромами, что все семь человек из этой музыкальной команды буквально на второй день красовались в аэродромах. И улетали они именно в них.

Между тем история происхождения этой кепки богатая и насчитывает очень много лет. Как утверждают историки моды, несколько столетий назад выходить из дома с непокрытой головой считалось признаком дурного тона не только для женщин, что понятно, но и для мужчин. Оказывается, еще в XIV веке власти Британии обязали мужское население

страны носить плоские головные уборы из шерстяной ткани. Целью этого правила был коммерческий интерес: надо было сбывать натуральное полотно. Кепки полагалось надевать в праздничные и воскресные дни всем простолюдинам. В принудительном порядке плоские шапки должны были носить мещане, торговцы и прочие граждане. Но британцам очень понравились кепки за удобство и практичность. В XIX веке такой головной убор носил уже весь рабочий люд в Ирландии и Британии. Английским аристократам также понравилось это направление моды. Они стали носить кепи, выезжая на отдых или охоту за город, играя в гольф. Головные уборы для состоятельных людей шили из самых дорогих сортов материи. Качественные кепки хорошо держали форму. А это было главным, что ценили британские аристократы – стиль.

Позже там же, но в несколько видоизмененном виде кепи носили мальчишки-разносчики газет. Спустя годы стала по-

Точильщик. Фото Рубена Рухяна

Дворник Алихан. Фото Рубена Рухяна

пулярной кепка с подогнутым жестким козырьком, с высоким мягким колпаком, так называемая восьмиклинка. И ее назвали кепкой Гетсби благодаря роману Ф.С. Фицджеральда «Ве-

На Тбилисoba. Фото Рубена Рухяна

ликий Гетсби», главный герой которого в экранизации этого произведения носил именно такой головной убор. В народе, между прочим, кепку называли хулиганкой и гоп-кепкой.

А на Сицилии такую кепку называли коппола. Вначале ее носили сицилийские водители, а затем моду подхватило почти все мужское население Италии.

Но из Европы нам стоит переместиться в Тифлис, в восьмидесятые годы XIX века, потому что именно здесь берет свое начало грузинская кепка-аэродром. Вот как это было.

В Тифлисе, по инициативе наместника на Кавказе М.С. Воронцова, был построен театр. С первых же представлений на его сцене итальянской оперной труппы опера приобрела грандиозную популярность у тифлисской публики. Город запел. Арии из итальянских опер разносились повсюду. Что интересно – итальянские мелодии перепевались на грузинский лад и, как говорят специалисты, послужили основой зарождающегося жанра городского романса. Однако 11 октября 1874 года театр сгорел. Сильнейший пожар уничтожил практически все декорации, костюмы, реквизиты и богатейшую нот-

ную библиотеку. Часть труппы разъехалась, часть предпочла остаться в городе, который им нравился. Певцы и музыканты перебивались заработками разного рода. Тенор-сицилиец Сальваторе Кокуцца (Кокоцца) (кстати, однофамилец знаменитого певца Марио Ланца – урожденного Альфредо Арнольдо Кокоцца) решил взяться за ремесло отца, который всю жизнь занимался шитьем кепок. Можно предположить, что Сальваторе в детстве помогал отцу, и это ремесло было хорошо ему знакомо...

Талантливому тенору не откажешь в предприимчивости: он открыл на Михайловском проспекте (ныне пр. Давида Агмашенебели) мастерскую по пошиву традиционных сицилийских кепок под названием «коппола». Кокуцца был уверен, что его продукцию будут покупать состоятельные немцы, в основном населявшие в те годы этот район Тифлиса. Однако самыми активными покупателями, к его удивлению, стали грузины. И вот еще одно подтверждение предприимчивости итальянца: он тут же открыл мастерскую в Кутаиси. И кепи господина Сальваторе завоевали сердца имеретинских мужчин, а затем и мужского

Кадры из фильма «Мимино»

населения всей Западной Грузии. В Кутаиси эти кепи стали называть «кокуца-куди» (куди – шапка по-грузински), долгие годы так и величали постоянно растущие в объеме кепки.

Надо сказать, что были годы, когда в Грузии (да и в других странах) было не до модных головных уборов: слишком много испытаний, страданий и трагедий было пережито. А в послевоенные годы XX века что-то изменилось. Души людей, много переживших, ждали изменений к лучшему. Хотя долгожданная оттепель быстро отошла в историю. Но переменны коснулись моды. Она стала ярче, динамичнее и свободнее

у женщин. А мужчинам тоже хотелось разнообразия. И это прежде всего отразилось на форме и объеме кепок. И то, что некоторые завистники называли «стремлением грузин к преувеличению своих возможностей» на самом деле было желанием выделиться из толпы, одетой в костюмы преобладающих темных тонов. Так родилась разновидность копполы, которая отличалась большими формами. «— Папа, к тебе грузин приехал», – помните эту фразу из фильма «Мимино»? Грузина стали узнавать по плоской кепке огромных размеров с идеально ровным днищем. Кроме большого диаметра, у нее был высоко поднятый за-

дник и массивный козырек.

Кепка, которую остроумцы тут же нарекли аэродромом, стала своеобразным опознавательным знаком, точнее, знаком отличия грузина. А потом и всех кавказцев. А в Тбилиси – модой многонационального мужского населения.

По всей Грузии появились сотни пошивочных мастерских. Женщин среди мастеров практически не было. Не было тут никакой дискриминации, аэродром очень сложно было быстро и качественно исполнять. Когда у моего соседа, дворника Алихана спросили: – Вах, такую красивую кепку где купил? Он ответил: – В магазине такой не купишь. Я свою точку имею – у Левы.

В Тбилиси кепочников-аэродромщиков знали по именам. И клиентуры у них было очень много. Стоили эти аэродромы достаточно дорого. А знаете почему? Основой такой кепки была плотная тростниковая мешковина. Ее закупали на Кубе. Это был дорогостоящий материал и особый крой, за который надо было платить. И модники платили. Солидные кепки украшали солидных мужчин.

Вряд ли кто-нибудь из наших читателей не смотрел фильм «Мимино». Буба Кикабидзе прекрасно смотрелся в кепке-аэродроме. И Ипполитэ Хвичиа, который играл Кукуша – мастера по пошиву кепок в Телави, тоже красовался в аэродроме необъятных размеров.

Однако все проходит, как сказал мудрый царь Соломон. Теперь уже такие аэродромы не носят. И мастерских практически не осталось. Хотя мода имеет способность возвращаться. Но даже если такому головному убору не суждено возродиться, кепка-аэродром сыграла свою роль неповторимого тренда – настоящего героя своего времени.

ПИСАТЕЛЬ ЧИСТЕЙШЕЙ ДУШИ

(к 90-летию со дня рождения Резо Инанишвили)

■ Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод с грузинского
Камиллы Мариам Коринтэли

Как и многие другие, я был очень огорчен тем, что 90-летие Реваса Инанишвили отметили довольно бесцветно. Сам он был на редкость скромным и деликатным человеком. Однако место его в современной грузинской литературе весьма значительное, он является классиком и нашей гордостью, и его богатое, многогранное творческое наследие заслуживает внимания и заботы.

Среди мастеров малой грузинской прозы Резо Инанишвили один из самых выдающихся. Многие объединяет его с Важа Пшавела и Нико Лордкипанидзе. Его талант заявил о себе с юности. Неповторимый почерк, свое лицо сразу выделили его. И всю жизнь он шлифовал и совершенствовал свое мастерство, его мир был богат и интересны разносторонни. Он много

читал, прекрасно знал русскую литературу, очень высоко ценил Чехова, Бунина, Паустовского, Пришвина, из современных русских писателей явлением считал Андрея Платонова. Хорошо знал и зарубежных писателей, что нашло отражение в его дневниках.

Из грузинских современных писателей старшего поколения особо выделял Георгия Леонидзе, а его «Древо желания», созданное на основе юношеских воспоминаний поэта, считал истинным шедевром. И, конечно, неслучайно, что знаменитый одноименный фильм Тенгиза Абуладзе был снят по блестящему, отмеченному талантливыми творческими находками, сценарию Резо Инанишвили. Это в немалой дозе обеспечило огромный успех фильма. Следует отметить, что Резо Ина-

нишвили внес солидный вклад в развитие грузинского кино и театра.

Реваз Инанишвили отличался душевной щедростью, неэгоистичностью, что тоже является Божьим даром. Его искренне радовали чужое благо и чужой успех, и он незамедлительно выражал свое одобрение. Сколько начинающим талантам он благословил путь в литературу. Назовем хотя бы некоторых из них: Нугзар Шатаидзе, Годердзи Чохели, Лейла Берошвили, Вану Чхиквадзе...

Сын расстрелянного отца (что не было редкостью для той действительности), он вырос в бедности. За неимением средств он вынужден был оставить учебу в университете и пойти работать на стройку. В тот период ректором Тбилисского университета был Нико Кецохели – личность совершенно уникальная, человек высокообразованный, биолог, прекрасный воспитатель и радетель молодого поколения (кстати, создатель замечательного университетского сада). Резо уже успел себя зарекомендовать, и Н. Кецохели разыскал его и вернул на второй курс филологического факультета. В течение 6 месяцев, до того,

как ему стали выплачивать стипендию, Резо получал ее из зарплаты Нико Кецховели, – что для него было тайной, о чем он узнал лишь годы спустя от любимого студентами профессора Ильи Абуладзе.

Резо любил деревню и любил работать на земле. Он был рачительным хозяином. Не раз я пробовал его собственное саперави. Крестьянский труд он считал неотъемлемой частью своей жизни. Помню, мы с ним вместе смотрели великолепный японский фильм «Голый остров». Кто его видел, помнит – этот фильм лишен динамичности. Темп намеренно замедленный, но каждый кадр необычайно впечатляющий. Это произведение большого мастера. Часть зрителей, любящая развлекательные фильмы, не выдерживала монотонного ритма и безотрадности тяжелой жизни героев, и к концу сеанса зал почти опустел. Я заметил, как напряженно Резо следит за экраном. Когда зажегся свет, какое-то время он молча стоял, потрясенный. Потом сказал мне, что в жизни не видел фильма подобной силы. Его покорила фанатическая одержимость супругов, борющихся за утверждение жизни на неорошаемом, затвердевшем клочке бесплодной земли. Поразили невероятные усилия, тяжелейший труд, который приложили эти двое ради того, чтобы взойти и зазеленели под буйным океанским ветром слабые всходы...

Очень заботило его то, что величайшая движущая сила человека, придающая смысл и красоту жизни – любовь, уступая место равнодушию, отчужденности, постепенно ослабевает. Немало прекрасных рассказов посвятил он этой теме – во спасение любви.

Большой вклад внес Резо Инанишвили в развитие детской и юношеской литературы. Мало кто так тонко понимал и чувствовал мир ребенка, как он. Потому так любимы детьми его детские книги. Весьма плодотворной была его работа в издательстве для юношества «Накадули» и в детском журнале «Дила».

Резо Инанишвили относится к тем писателям, которые очень

тщательно работают над фразой. Это хорошо видно из его «Настольных тетрадей». Они написаны в форме дневника и воспринимаются, как уроки писательского мастерства. Издано шесть томов его избранных произведений, но эти тома не охватывают всего его творческого наследия. Думается, в обозримом будущем будет осуществлена соответствующая работа для того, чтобы представить читателю полностью творчество этого замечательного мастера.

В записках Резо Инанишвили привлекает внимание его кредо писателя: «Мои принципы письма: точность, чистота, свет и благородство языка». Этому кредо он никогда не изменил.

Рано и сильно пошатнулось здоровье Резо Инанишвили. Ему пришлось долго лежать в больнице, где, к сожалению, неправильное лечение повредило ему печень. Когда я с нашим общим другом и соседом Резо, поэтом Гиви Гегечкори навестили его в больнице, положение вроде бы выправили. Однако позже, уже после больницы, состояние его стало ухудшаться. Единственным выходом

Резо Инанишвили с супругой

для тяжелобольного писателя была поездка в Германию на лечение. Но это были тяжелые годы, средств и возможностей никаких не было, поездка никак не могла состояться. В декабре 1991 года, когда в Тбилиси шли вооруженные столкновения и город пылал в огне, сердце писателя-гуманиста перестало биться.

Несмотря на хаос, на пули снайперов и весь тот ад, лучшая часть нашего общества хорошо поняла, чей прах был предан дидубийской земле (имеется в виду Дидубийский пантеон в Тбилиси – Прим. пер.). Смерть писателя далеко не всегда бывала столь горестной для такого множества людей, как смерть Резо Инанишвили. Годы спустя (в 1994 году) «Общество любителей книги» выпустило посвященную Резо восьмистраничную газету, полную воспоминаний его друзей о нем. Позднее критик Джумбер Титмериа издал объемистый сборник воспоминаний, украшенный собственными графическими работами Резо. Он ведь прекрасно рисовал и разбирался в живописи. Долгая дружба связывала его с Тенгизом Мирзашвили, с Зура-

бом Нижарадзе. Восхищен был работой З. Нижарадзе «Портрет Отара Иоселиани», о котором отозвался так: «Он (Иоселиани) так велик и силен, что, кажется, весь мир должен видеть его. Такого современного, пронизанного нашим временем лица я, пожалуй, нигде не видал!»

Резо не выносил серости, того, что «ни вода, ни вино». «Можно восстать против плохой книги, но против средней – нет. А ведь эта средняя, в которой вроде бы все на месте, она-то и есть беда для литературы», – считал он.

Постоянно он находился в работе. Забот было много – надо было содержать семью. Какой бы шедевр он не создал, на жизнь его гонораров, конечно, не хватало. «В ноябре и декабре я должен написать два сценария для двух полнометражных фильмов. О-ох, как мне этого не хочется! Но что делать, ни «Бибо», ни «Дэдуна» не прокормят мою семью», – писал он в записках 1978 года. И не могу не привести здесь еще одну выдержку из его записок, с которой нельзя не согласиться: «От моей прозы всего один шаг до поэзии». Да, действительно, он всей своей сутью поэт, и все его творчество озарено поэзи-

ей. В подтверждение тому – его замечательная новелла о всепобеждающей силе любви «Бесовки», каждая строка которой дышит высокой поэзией. Читатель познакомится с ней ниже.

Резо Инанишвили известен и как мастер документальной прозы. Его литературные портреты выдающихся деятелей различных поколений являются значительным достоянием грузинской литературы. Герои этих произведений – Александр Казбеги, Михаил Джавахишвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Дэмна Шенгелая, Нико Кецохвели, Леван Готуа, Давид Гачечиладзе, Георгий Шатберашвили, Сандро Ахметели, Михаил Чиаурели, Спартак Багашвили. Список, как видите, весьма представительный. Так же внимателен он был по отношению к своим друзьям – Анне Каландадзе, Чабуа Амирэджиби, Нодару Думбадзе, Элгудже Бердзенишвили, Алекси Чинчараули, Джансугу Чарквиани, Резо Чеишвили, Гураму Рчулишвили, Тенгизу Мирзашвили, Димитрию Эристави, Гиви Гегчкори, Шота Арабули, Вахушти Котетишвили...

О феномене Резо Инанишвили смело можно сказать: трудно было бы назвать второго

грузинского писателя, который достиг бы такого артистизма в игре и борьбе со словом и такого изящества стиля, как Резо Инанишвили. Кроме врожденного таланта и удивительного чувства языка, для достижения такого эффекта требовалось немало труда и упорства. Благодаря всему этому его лексическая палитра столь многоцветна и красочна, как щедрая кахетинская осень, и одновременно максимально точна. Он представляется нам таким же редкостным явлением в грузинской литературе, каким был в живописи Нико Пиросмани.

Напоследок не могу не привести здесь один волнующий факт: летом 1979 года Литературный музей им. Г. Леонидзе в связи с «Годом детей» обратился к Резо Инанишвили с просьбой прислать свою фотографию и пожелание детям. Конечно же, он выполнил просьбу, послал и фотографию, и пожелание детям, которое можно считать его завещанием последующим поколениям. В нем отчетливо проявилась бесконечная любовь писателя к детям, надежда на их чистоту, их мужество и упорство в борьбе с несправедливостью и злом.

Это пожелание можно назвать гимном утверждения жизни на земле. Вот его текст: «Детям всей Земли желаю приучить свое тело выдерживать тяжести и боли для того, чтобы в дальнейшем, будучи взрослыми, мужественно выносить боль душевную. Желаю вам ненавидеть ложь. Никогда не объявляйте черное белым в надежде на то, что за это получите более жирный кусок. Не верьте никому, кто будет кричать, что создаст вам счастливую жизнь. Счастливую жизнь должны создать себе вы сами, своими руками. Встаньте против всех тех, кто, с какой бы то ни было целью, оскверняет воду и воздух. Земля больше принадлежит вам, детям, чем нам, которые успели содеять тысячи преступлений против нее. Да здравствует не только Солнце, – Солнце выдержит гибель множества планет, подобных Земле, – да здравствует озаренные лучами этого Солнца листья травы и чистая роса на этих листьях!»

Ч. Амирэджиби, Н. Думбадзе и Р. Инанишвили

БЕСОВКИ

■ Резо ИНАНИШВИЛИ

ПИШЕТ ЖЕНЩИНА ЖЕНЩИНЕ:

...Мне кажется, здесь все застыло. Застыли горы, сосновые рощи, строенные речным камнем дома. Выйдут из домов тушины, будь то женщины или мужчины, поглядят на небо и либо тут же, перед домом усядутся на солнце, либо спокойно пройдут и встанут на краю склона. Либо стоят, либо сидят – и смотрят куда-то вдаль. Есть тут одна собака, большая лохматая – и задумчивая. Собака тоже неторопливая, она тоже ходит туда-сюда, потом остановится, стоит и чуть прикрыв глаза, смотрит, смотрит вперед – созерцает ущелье.

Детей мало. Они ведут себя так же, как и взрослые. Вот вчера сидели две девчушки на огромном валуне, наверное, лет по семи обе, маленькие для своего возраста, и вязали пестрые шерстяные носки-цин-

дэби. И так вот молча сидят и вяжут, и на горы глядят. Когда я к ним подошла, они со спокойной улыбкой взглянули на меня снизу вверх, и так же спокойно продолжали вязать. Я спросила: «А в школу вы ходите?», как ты думаешь, что они мне ответили? «Мы в первых были и перешли во вторые».

Здесь будто и ветерок не веет. Туман, словно паутина, раскинут по веткам деревьев. Утром, когда зажигают огонь в очагах, дым поднимается в небо равномерно и прямо, столбиком. Птицы и те не нарушают тишины. С низинных лугов доносятся звуки – вроде лягушка древесная: гаак! гаак! гаак! Еще ниже, где высокая трава – там огромная лужа то ли пруд, метра на два в ширину, и глубокая, а вода в ней чистая-чистая, и в ней одна-единственная форель живет и та тоже такая медлительная и молчит, конечно, рыба

разве что скажет! К этой луже-пруду приходит старая-старая женщина потустороннего вида, садится к воде близко-близко и бросает форели хлебные крошки. Форель подплывает неторопливо, медленно, словно бы потягиваясь лениво. Подплывет и ест эти крошки.

Вечерами все, кто есть в деревне, выходят на деревенскую площадь. Спиной к теплой еще стене друг подле друга усаживаются женщины, улыbliche и молчаливые, и все вяжут, вяжут... Мужчины отдельно собираются, в сторонке. Кто стоит, кто полулежит на зеленой травке. Сигареты покуривают, тихо, не нарушая общего фона, беседуют о том о сем. Потом, словно бы нестерпимой стала эта неподвижность, женщины поднимаются, выталкивают в середину кого-то. И-их! – вскрикнув, та отряхивает подол и пускается в пляс по-тушински. Потом выносятся гармонь. «Усядется кто-то из женщин поудобней, поставит гармонь на колени и растягивает меха тихо-тихо, не переставая улыбаться, прислушиваясь к каждому звуку. Какое-то время она наигрывает что-то,

Пастухи Тушети

вся превратившись в слух. Потом выпрямится, склонит голову чуть набок и запоет чистым, звонким голосом о том, как красива Тушети. Да, как прекрасна Тушети, – горы, туманы, водопады, склоны, склоны горные, зеленые, овцы, как облачка, по зеленым склонам белеют, пастухи вон стоят, на посохи свои опираются – слушают. И пьянящее тепло по жилам разливается. Потом та женщина с гармонью запоет: «Не появляйся ты здесь часто, бичо (парень – обращение по-груз. – Прим. пер.), не то прознают про любовь про нашу, разлучат меня с тобой, и мы оба, как снег, истаем от горя». Потом певица плясовую заиграет огневую. Поднимется и выйдет сперва мальчик, маленький, раскинет руки и гордо пойдет по кругу, мелко перебирая ногами. Пригласит кого-то себя постарше, потом этот постарше – другого, еще старше. Пляшут и женщина с женщиной, и, конечно, женщина с мужчиной. Раздаются подбадривающие выкрики, восклицания, смех. Наскучат пляски, снова гармоника заиграет и запоет звучно певица:

Не уходи, добрый гость, останься!

Не говори – ухожу, ухожу!
А коль уйдешь –
И меня с собой заведи,
Потому – я твоя ведь, не чья-то!

Нетрудно понять, что значил гость для женщины-тушинки, которая по меньшей мере семь месяцев из двенадцати оторвана от внешнего мира. Печаль этого вынужденного затворничества и сегодня витает в воздухе Тушети. «Не уходи, добрый гость!..» – и глаза тушинок устремляются к снежным вершинам высоких гор.

А потом потемнеют эти горы со снежными вершинами. Черный купол небесный заполнится бесчисленными сверкающими звездами. Вынесет пожилая тушинка тяжелую бурку, заботливо накинёт на хрупкие плечи девочки, а глаза у той девочки любовью так и светятся, и съжится она, словно бесплотной стать хочет и в бурку эту с головой уйти.

...Когда мы сюда прилетели, встречавшие вертолет ребята сразу же нам рассказали новость: у нас в деревне гости, лезгины, мальчик и девочка – Али и Фатма. Али восемнадцать лет, Фатме шестнадцать.

Оказывается, они с детства друг друга любят, – плутовато посмеиваясь, наперебой тараторили ребяташки, – а родители не разрешают им пожениться, родители старые законы почитают, и они очень сердитые. Али с Фатмой взяли за руки и пустились в путь, перешли сюда, к нам, грузинам. Здесь ведь еще снег лежал, и сверху шел вперемешку с дождем. Промокли они, замерзли, бедняжки, от холода съезжившиеся, продрогшие вошли в деревню. Первой их приняла Дареджан. Она их обогрела, накормила, напоила. А потом они у всех у нас стали гостить – то у одних, то у других. Фатма красивая очень. Вся грудь у нее такими красивыми ожерельями украшена, ихними, лезгинскими, а по вечерам она поет, задушевно так поет, но из дому выходить не любит. Али – тот все время с нами, он и за деревенским стадом смотрит, веселый он, Али, и улыбка у него добрая...

Я люблю лезгин. Когда я собирала материал для своей работы, я много ездила и ходила по их аулам, а порой даже сучала по тем горным тропинкам, родникам, звукам. И сейчас любопытство меня разобрало, – когда же я увижу эту красивую Фатму с ее лезгинскими украшениями на груди и улыбчивого Али...

Я увидела Али на второй же день. Вышел он на площадь – так же, как выходят обычно тушины. Так же, как они, стал он, сдвинув круглую тушинскую шапку на затылок, с беззаботным видом, с открытой всем ветрам шеей. Дымил и дымил сигаретой, пуская дым вверх. Как положено, ритмично хлопал в ладоши своими покрасневшими длинноперстыми руками. Сигарету в зубах зажмет, хлопает и покрикивает: «Таши! Таши!», (таши – обычный для грузинских танцев покрик-возглас – Прим. пер.), потом и сам плясать пошел с мальчонкой, посмеиваясь и пошучивая. Когда его со мной познакомили, он смутился, застенялся, зарделся даже. Приставив ногу к ноге, стоял в струнку, опустил голову в знак покорности. «А я

была в твоём ауле», – сказала я ему. – «Правда?!» – ещё пуще покраснел он. – «Тот большой валун, что над аулом нависает, все еще на месте?» – спросила я его.

– На месте, на месте, – с радостной улыбкой ответил он.

– А мельница, что возле водопеда, мельница тоже на месте?

– И мельница тоже!

– А ключ, что напротив мечети бьет?

– И ключ тоже, конечно!

Осмелев, он, как взрослый мужчина, предложил мне сигарету. Я взяла и тоже закурила. Стоим мы, дышим, он смотрит куда-то поверх моих волос, молчит.

– Твоя супруга отчего сюда не вышла?

– Стесняется она немножко.

– Почему же?

– Она пока молодая жена, потому, – он засмеялся и смеясь, чуть отступил назад.

– Ты должен ее привести, жалко ее, одна-одинешенька в доме сидит.

– Не знаю... если захочет – приведу.

...Он ушел легким, свободным шагом, радостный, счастливый. Однако на следующий вечер опять один появился. Пошел к мужчинам и давай дымить – сигарету за сигаретой. Я окликнула его и спрашиваю, почему, мол, Фатму не привел. Али только плечами пожал, голову понурил и стал с ноги на ногу переминаясь.

Утром я пошла к ним, я и хозяйка моя Надо. Понесли гостинцы, – ну масло, сыр, оставшиеся со вчерашнего хинкали, я свои духи прибавила и зубную пасту «Бинака». Здесь, в горах, подобный визит считается вполне естественным и приличным.

В отведенной им небольшой чистенькой комнате Фатма была одна. Она встретила нас как уже знакомая. Невысокая, тоненькая. Чистый, открытый лоб, прекрасные белые зубы, обнажившиеся в улыбке. Сейчас она была без своих украшений. Какое-то время она, оробевшая, смотрела на нас молча, только ресницы хлоп да хлоп и руки прятала, вроде бы не зна-

ла, куда их деть. Потом она зашевелилась, вытащила хлеб и все еще теплое молоко. Налила нам молока и себе тоже. Принесла и поставила на стол глиняную банку с ландышами и васильками. Зарумянила на сковороде хинкали, вскипятила чай, и все с извинениями. Мы поели, попили чай, поглядывая друг на друга с улыбкой. Разговаривали, Фатма нам отвечала одним-двумя словами. Если что захочешь, или понадобится что, не стесняйся, мы здесь, все сделаем, сказала ей Надо, с тем мы и ушли. Фатма проводила нас до дороги и, остановившись, вскинула вверх красивую руку: – Ай, забыла! Минуту! – и побежала к дому. Вернулась с двумя узорными булавками нагрудными, серебряными. «Кубачинские», – сказала она, протягивая их нам. Мы начали отнекиваться, но она настояла на своем и приколотла к платью одну мне, другую Надо. На ней было голубое-голубое легкое платье, светлые волосы поблескивали на солнце.

В тот вечер ее не было. А следующим вечером я ее увидела – женщины усадили ее в середку. Было довольно холодно, она куталась в белый легкий платок, поверх на ней был большой не по росту тулуп. Из-под тулупа сверкали ее глаза и бе-

лые зубы – глаза, зубы и красные камни ожерелья. Увидев меня, она привстала, с улыбкой кивнула головой и, смутившись, точно школьница, села обратно. Я подошла к ней, спросила, как она.

– Все очень хорошо, – отвечала она, и глаза ее сияли. Говоря, она поглядывала на Али, словно ожидая его поддержки. Али стоял среди мужчин, более оживленный, чем вчера. То и дело приподнимал и опускал свою широкополую шляпу. Женщины и девушки разговаривали с Фатмой, она была в центре всех их разговоров. Фатме приятно было такое внимание, она охотно отвечала, посверкивая своими лучистыми глазами и белоснежными зубками. Встала Надо, пошла домой и принесла гармонию. «Лелу позовите, Лелу, куда она запропастилась!» – распорядилась Надо. Пришла Лела – таким деловым, решительным шагом. Она уже знала Фатму, села подле нее, приветила ее, осведомилась, как она поживает, нет ли нужды в чем-нибудь. Надо гармонию ей на колени поставила, Лела привычным движением надела ремни на плечи, заиграла какую-то мелодию. И запела задушевно:

О, если б птицей мне обер-

За пошивом папахи

Тушети славится вязаными изделиями

нуться

Я б к тебе прилетела по ветру...

Фатма слушала с восхищением и глядела на Лелу. А Лела, закончив одну песню, запела другую – об одиноком пастухе. Фатма еще более вдохновилась – а песня красивая была, и Лела хорошо пела. Когда Лела закончила, Али что-то сказал Фатме по-лезгински. По мимике и движению плеч мы поняли, – она отказывается. Али заговорил громче, брови свел, теперь уже он приказывал, и нам говорит – дайте ей гармонь. Фатма протянула нежные свои руки, приняла гармонь, поставила на колени, на плечи ремни накинула и стала беззвучно перебирать клавиши пальцами сверху вниз, словно места им не находила.

– Ладно уж, не мучь нас, – с усмешкой сказал ей Али. Фатма несмело растянула меха гармони, и в прозрачной тишине горного вечера полились, заструились чудесные звуки. Али опять что-то ей велел и засмеялся. И тогда Фатма подняла вверх голову и, прикрыв глаза, запела, но как запела! Если бы я смогла передать! Как вмещала в себя эта тоненькая, хрупкая шестнадцатилетняя девушка такую глубокую, неизбывную грусть, красивую женскую грусть – грусть сестры, грусть жены, грусть матери, как умудрялась она передать это, с мудрым

женским спокойствием, своим бархатным из глубоких глубин идущим голосом:

«Ай, лах-ла-ла-лаи...», – закончила она по-лезгински.

Как потревоженные кони, всполошились мужчины, сгрудившиеся на своей стороне.

И все – смолкла Фатма. Открыла глаза, улыбнулась робко и уставшими руками отодвинула гармонь. «Еще, еще!» – просили мы. «Нет», – и она закуталась в тулуп. А Лела на колени перед ней опустилась, притянула ее за плечи, поцеловала в лоб, потом руки ей стала целовать. Фатма противилась, старалась спрятать руки. Али что-то говорил обоим, посмеиваясь. Потом и он попросил Фатму, спой, мол, еще. Но Фатма отказывалась и сидела в своем тулупе, точно птица в гнезде.

Не стала петь и Лела. Она продолжала стоять на коленях. В конце концов Фатма попросила Лелу петь. Очень уж просила ее. А та сморщилась недовольно и говорит: «После тебя куда мне петь!» Но взяла гармонь, неохотно растянула меха, прошлась по клавишам. И вроде ушла куда-то в глубину и оттуда, из глубины этой начала:

О, мать моя,

Какая тяжесть мне сердце сдавила –

Сдавила и расплавила

Пуговки воротника моего...

Это был плач женщины, плач

покинутой жены темной ненастной ночью, под проливным дождем бредущей к отчужденному дому. От горечи ее слез таяли пуговицы на ее груди.

Дорогая сестра моя, ты же знаешь, я слушала многих, очень многих певцов и певиц, но в тот вечер Лела всех нас околдовала. Когда она умолкла, упала глухая тишина. Я невольно посмотрела на Фатму. Та сидела, устремив взгляд на Лелу. Вцепившись пальцами в борты тулупа, обе руки она прижимала к подбородку, будто хоронясь от холода. Да, Лела и себе и нам всю душу вывернула. Я увидела, как Фатма сбросила назад тулуп, встала и пошла с площади совсем как городская девочка, выпрямившись и высоко неся изящную голову. Пройдя не более десяти шагов, она, приостановившись, обернулась и крикнула что-то по-лезгински Али. Он расхохотался. Потом перевел нам: она сказала – «Бесовка эта Лела, бесовка!» А Фатма уже скрылась за поворотом дороги. Лела все еще сидела среди женщин. «Она меня опередила, я это ей хотела сказать, да не посмела», – крикнула она, улыбаясь какой-то и вправду бесовской улыбкой.

В ту ночь я почти не спала. Ты знаешь, о чем бы я думала после тех песен. Наутро встала я чуть свет. Вышла на воздух, прошла к краю склона, глянула и вижу: по зеленому пологому лугу двое, обнявшись, книзу скатываются – мужчина и женщина. Мужчина в сером, женщина – в голубом-голубом. Катились, катились, докатились до конца луга, остановились там, несколько мгновений полежали так же обнявшись, потом сели, посмотрели друг на друга и начали хохотать – громко, от души. Мужчина был Али, женщина – Фатма.

Если стоит жить на этой земле, то именно ради таких вот минут, моя дорогая сестра!

*Перевод с грузинского
Камиллы Мариам Коринтэли*

ПИСАТЬ ГРАМОТНО – МОДНО!

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Как давно вы сидели за партой? А когда в последний раз писали диктант? Проверить свои знания уже в пятый раз в Тбилиси дает участие в акции «Тотальный диктант», где можно написать диктант или тест, если русский для вас иностранный.

14 апреля в Тбилиси при поддержке МКПС «Русский клуб» был проведен «Тотальный диктант». Идея вернуться в детство и проверить свои знания возникла у студентов в студенческом клубе «Глум-клуб» гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета в 2004 году. На сегодняшний день акция облетела весь мир. Одновременно в один и тот же день в 80 странах мира сели за парту все желающие проверить свою грамотность. Главные принципы акции – анонимность, доступность для всех желающих, принцип единства времени, текста, принцип проведения и критерии проверки.

В этом году площадку для проведения диктанта в Тбилиси предоставил Междуна-

родный центр иностранных языков и профессиональной подготовки Global Education Georgia. Ровно в 15.00 в двух аудиториях участники ознакомились с правилами проведения акции и начали писать отрывок под названием «Вечер». Остальные две части назывались «Утро» и «День», а все три рассказывают об одном дне из жизни деревенского учителя по имени Яков Иванович Бах.

Автором текста «Тотального диктанта» в этом году была писательница Гузель Яхина – уроженка Казани. Успех ей принес дебютный роман «Зулейха открывает глаза» о раскулачивании 1930-х, за который автор получила премии «Большая книга», «Ясная Поляна», «Книга года». Три текста, прочитанные 14 апреля, войдут в новый роман «Дети мои» Г. Яхиной. Этот роман посвящен теме немцев Поволжья и рассказывает о судьбе немецкой автономии на Волге в период с 1916 по 1938 год. Яхина читала диктант во Владивостоке – новой столице проведения акции. В другие годы текст «Тотального диктанта» писали Леонид Юзефович, Борис Стругацкий, Дми-

трий Быков, Захар Прилепин, Дина Рубина.

В Новосибирске текст акции в этом году прочитала «Алиса», голосовой помощник компании «Яндекс», который умеет распознавать речь, а также способен импровизировать и обладает собственным характером. «Алисе» на площадке Новосибирского государственного университета помогал филолог, который давал команды по ходу прочтения текста и следил, успевает ли аудитория за «Алисой». Использование программы в ходе акции уже второй подобный опыт. В 2016 году в Петербурге текст диктанта прочитал сказочный персонаж Кот ученый. Его голос был специально разработан для «Тотального диктанта». Сам же герой предстал перед публикой в виде мультипликационного персонажа.

20 апреля в Малом зале театра им. Грибоедова после спектакля «Желтый ангел», на который были приглашены все участники «Тотального диктанта», состоялось награждение победителей. Отличникам вручили сертификат

Участники «Тотального диктанта - 2018»

на годовой курс обучения английскому языку в онлайн-школе EnglishDom и от МКПС «Русский клуб» альбом «Русский театр в Грузии», изданный в 2015 году в честь 170-летия театра им. Грибоедова. А хорошисты получили в подарок книгу Арсена Еремяна «Позови меня как сына», а также свидетельство об участии в акции и получении твердой четверки.

СЕЛФИ ЧИСТО ПО-ТБИЛИССКИ

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Для вступления в Союз художников необходимо провести персональную выставку. Но для уникального народного мастера Грузии Юрия Юлдашева было сделано исключение – его произведения трудно собрать под одной крышей. Для этого пришлось бы разбирать сложные интерьеры в Москве, Париже, Ереване, в Самаре и Краснодаре, еще в десятках городах России, в Польше и Германии. Его работы прекрасно известны тбилисцам и гостям города, поскольку давно уже являются неотъемлемой частью брендов туристических маршрутов.

Творчество Юрия Юлдашева многогранно – он создает коллажи, макеты, инсталляции. И не только. К примеру, в ресторане «Ортачала» полностью его ди-

зайн. Наибольшую популярность ему принесли колоритные фигуры в человеческий рост, которые обитают и на улицах, и в тбилисских ресторанах «Дзвели сахли» («Старый дом»), в ресторанах сети «Таглаура», «Мачахела», в «Матрешке» и «Хуторке», и во многих других популярных местах столицы Грузии. При создании каждого нового персонажа Юра Юлдашев лепит, рисует маслом, выпиливает, вырезает, украшает, одевает, причесывает и совершает нечто неуловимое, что наделяет его кукол – больших и крошечных – характером и биографией, вселяет в них частичку собственной души, склонной к фантазии и юмору, наполненной пристальным интересом к людям.

С мастером мы знакомы

давно, более того, связаны родственными узами. Однако в квартире Юлдашевых на проспекте Важа Пшавела бывать не приходилось. Хозяйка любезно приглашает в дом. В гостиной сидит вполоборота художник за мольбертом, мелькает мысль – «напарник Юры по работе». Но, перехватив лукавые взгляды, успеваю прикусить язык со словами приветствия: это же Нико Пиросмани дописывает портрет «Маргариты»! Мастер доволен эффектом, произведенным новым его детищем, выполненным по заказу немцев.

– Я тоже накололась, не знала, что «Пиросмани» уже перебрался из мастерской в комнату, – со смехом говорит Ирина, супруга художника-оформителя, – утром со сна выхожу из спальни и спрашиваю, что готовить на завтрак. Сын из кухни отвечает: папа уже ушел, ты с кем разговариваешь?

– Скоро «Пиросмани» отправляется во Франкфурт-на-Майне. Давай покажу его «багаж». Шагай сюда, – говорит

Юра и открывает деревянную створку... шкафа, оказывается, это декорированная дверь в его крошечную мастерскую. В рабочем кабинете Юры только эскиз пристанища Нико Пиромани оставляет впечатление реальности: на листе ватмана обозначены десятки деталей интерьера – умывальник, зонтик, венский стул, все предметы начала прошлого века должны воспроизвести обстановку каморки великого художника и составить интерьер грузинского ресторана в Германии.

В целом же мастерская похожа на лавку древностей. Юра использует в своих коллажах и макетах самые разнообразные предметы. Он не может пройти мимо медной посуды, сломанных старинных музыкальных инструментов, фотографических камер, кресел, игрушек, ковриков, замков, ламп, ключей, самоваров, цепей, выключателей, колокольчиков, утюгов и прочего «хлама», которому, по мнению далеких от искусства людей, место на свалке. Приспосабливать запыленное старье для коллажей и инсталляций особый дар. Мастер превращает садовую лейку с вырезанной стенкой в оригинальное обрамление для

макета. Каркас шарманки становится сценой для композиции «Отдых шарманщиков», а внутри освобожденных от электроники телевизоров разыгрывается фарс городского быта середины прошлого века. Телевизоры с необычной начинкой украшают интерьер тбилисского клуба «Старый рояль».

Макеты Юлдашева воссоздают городские сценки, деревенские и городские дворики, населенные героями кинофильмов «Квеври», «Чудаки», «Мимино», «Джентльмены удачи», а также персонами из детских воспоминаний и фантазий самого автора. Костюмы для фигур в человеческий рост шьет театральным костюмер-дизайнер Карина Нахпетян. Все остальное – кукол, живописные вставки, детали из металла, пластика, дерева, кожи Юрий Юлдашев создает сам. Лицо и руки он лепит из современных пластических материалов. Тщательно работает над мимикой, подбирает украшения, напяливает на своих героев шляпы, очки, не лишает их удовольствия подыметь папироской. Некоторые крупные фигуры снабжены шарнирами, что позволяет с помощью механизмов придавать им движение – например, шарманщику крутить шарманку.

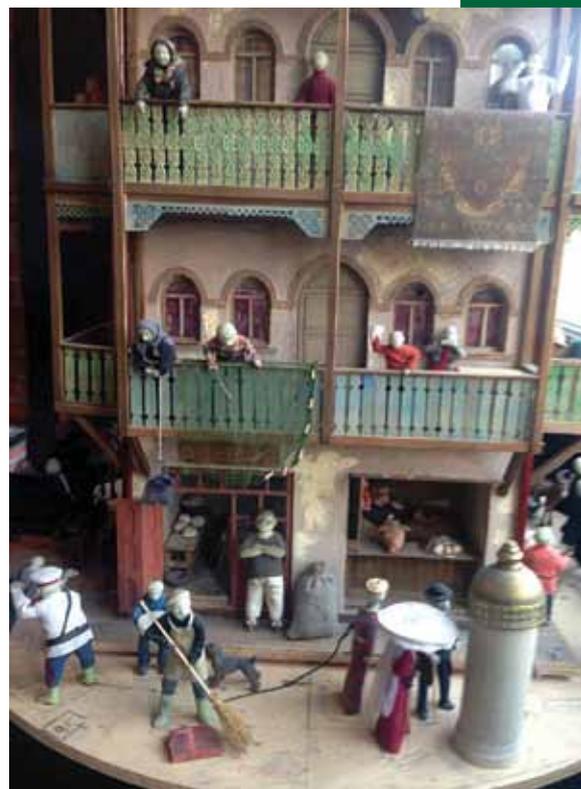
В 90-х годах Юлдашев успешно работал в стиле соц-арта, его инсталляции были востребованы в США. К тому же периоду относится серия макетов «Народ победитель»: инвалиды войны, бомжи, нищие с орденовыми колодками на засаленных офицерских мундирах, «дно» общества строителей коммунизма.

К рисованию он тяготел с детства, но на его способности как-то не обращали внимания. Однако, когда после развала Союза рухнула привычная жизнь, Юра Юлдашев, успешный начальник отдела эстетики Министерства строительства Грузии, постоянно завоевывавший первые места на смотрах наглядной агитации, вдруг оказался не у дел. Графики достижений по отрасли и доски передовиков мгновенно стали достоянием истории, а семья

надо было кормить. Первым опытом его художественного предпринимательства стали брелоки, которые неожиданно легко распродались на Сухом мосту.

– Тогда я стала уговаривать Юру изготавливать сувенирные миниатюры, – рассказывает Ирина, – он отнекивался, мол, у профессиональных художников ничего не продается. Я продолжала настаивать, что у него есть талант и им надо распорядиться правильно. Через некоторое время, под Рождество, мы вдвоем – те еще коммерсанты! – трясущиеся от волнения и угнетенные непривычностью ситуации, принесли на Сухой мост сумку с сувенирами. Их мгновенно расхватили на подарки. Мы тут же закупили ребенку сладостей, отпраздновали Новый год – это была такая радость! Но главное, что Юра поверил в свои силы. Постепенно стали появляться заказы на оформление витрин магазинов, на интерьеры ресторанов, о его работах заговорили.

– Заказчики традиционно делают акцент на фольклорных мотивах, – говорит Юра, – мне же всегда хотелось внести свежую струю, обыграть тематику. Тогда

и возникла идея не просто «лепить» хинкали и выкладывать их на блюдо, а создавать бытовые сценки с персонажами. Теперь мне самому трудно подсчитать, скольких крестьян, князей, кинто, карачохели, генералов, сапожников, поваров я сделал за эти годы!

Недавно мастер приступил к строительству своего «городка». Макет высотой не более метра помещен на вращающийся диск, этакий «Тифлисский меловой круг», позволяющий рассмотреть конструкцию со всех сторон. По булыжной мостовой едет фаэтон, дамы и господа, одетые по моде чеховской поры, читают афиши на тумбе, в лавках торгуют мясом и вином, дудуки и зурна зазывают в духан. А на жилых этажах протекает обычная жизнь – старушка вяжет, женщина выбивает матрас. Если заглянуть в комнаты, то можно увидеть обстановку старых домов с бабушкиными буфетами, модерном шестидесятых, низкими тахтами с мутаками. В доме проведено электричество, звучит музыка, по крыше гуляет кошка. В «городке», состоящем из одного дома, сдвинуто время, смешались эпохи и стили. Всей своей сутью «Тифлисский меловой круг», впитавший образы идеального старого города, является подтверждением

классической платоновской идеи о существовании двух миров: высшего идей и низшего, окружающего нас мира вещей. Идея городка, воплощаясь в реальность, возвращает нас в мир утраченного времени.

Работы Юры Юлдашева наделены ярким национальным колоритом. Грузинская изгородь «гобэ» оберегает виноградник. Украинский «Хуторок» украшают скирды, тын с перевернутыми крынками, подсолнухи. Интерьер русского ресторана «Матрешка» искрится золотом и пурпуром хохломы.

Некоторые миниатюрные инсталляции Юлдашева намеренно эпатажны. Такова серия «Уборные»: грубо сколоченные

«домики» исписаны тирадами вождей, революционными лозунгами, «философскими» сентенциями уединившихся по естественной нужде людей. Табуированный юмор пришелся по душе «новым грузинам», утомленных стремлением удивить пресытившихся братанов-нуворишей.

Юра не прочь подшутить над своими персонажами: Ханума, ростом в полтора метра, высматривает клиентов, нацелив на посетителей ресторана лорнет.

Генерал казачьих войск салюует шампуром с шашлыками. А вот старушка, готовящая хинкали, светится добротой и покоем. Герои Юлдашева – пекарь, стоящий перед «тонэ» в характерной для людей его профессии позе – со скрещенными руками на припудренном мукой фартуке, дворничихи-курдянки в разноцветных платках и пышных юбках, свидетельствуют, что их автор – прекрасный знаток городского быта. С двухмесячного возраста Юра получил тбилисскую «прививку» – отца, полковника инженерно-строительных войск, перевели в Грузию, и семья много лет прожила в старом дворе на улице Клары Цеткин, а потом переселилась в Сабуртало. Воспоминания, пестрые, как лоскутное одеяло, обдают запахом батибути, щекочат нос сахарной ватой, стучат костяшками «кочи», звучат протяжным: «Та-аачу на-аажи-ножницы!». И точильщик, и стекольщик, и цыганки, торгующие пестрыми шариками на резинке, и сапожник в закутке, обклеенном журнальными красотками, гаишники, игроки в нарды нашептывают художнику воспоминания на тему: «А у нас во дворе...».

– ...жаль, что я знаю о куз-

В оформлении статьи использованы работы Юрия Юлдашева

нице, которая была за углом нашего дома, только по рассказам, там часами простаивали, наблюдая, как подковывают лошадь...

– ...перезрелая Марго пробыла замужем один месяц. «Подвел меня, подвел, умер! – огласили двор крики новобрачной. Первым делом она велела привести фотографа. Распорядилась, чтобы тот сделал семейное фото – она рядом, щека к щеке, с дорогим мужем, увы, с закрытыми глазами. Снимок висел у Марго над буфетом, как доказательство семейной жизни...

– ...а еще нас будил не мацонщик, как вспоминают многие обитатели старых дворов, а дядя Шота, распевавший арии на балконе третьего этажа, в зависимости от настроения то лирические, то «Смейся, паяц», а то «Тореадор, смелее в бой»...

...поздно вечером под струей крана посередине двора плескался угрюмый, совершенно лысый старик. Его ровесник задиристый Гоги кричал со своего балкона: «Степка, штаны застегни!». И получал в ответ: «Покойник в доме, двери – открыты»...

– ...фурия Тинико разгоняла детей, когда вывешивала сушить свое белье. Однажды из фотоателье в соседнем доме сбежала обезьянка. По крышам сараев перебралась в наш двор и стала качаться на веревках с бельем. Тинико вооружилась «полисджохи» (палка для мытья пола), но проворная мартышка увертывалась, срывала шпильки, белоснежные простыни попадали на землю. «Обезьянка за нас отомстила», – ликовала детвора...

– Мальчишкой я любил рассматривать архитектуру старинных зданий, – продолжает тему ностальгии Юра, – сейчас понимаю, что в памяти откладывались забавные истории, жесты, типажи. Все это пригодилось в работе. Мне доставляет удовольствие колорит старого города: вывески духанов, например, «Сам пришел». Вспоминаю, как с мамой почти каждый вечер ходили в АРТО или в парк Горького. Немного жаль, что мои

Ирина Банковская и Юрий Юлдашев

сыновья росли совсем в другую эпоху. В нашем детстве было много свободного пространства, футбола, озорства.

Все его домочадцы – люди талантливые. Супруга Ирина Банковская – пианистка, окончила консерваторию, много лет проработала в тбилисской 1-ой музыкальной школе. Общим сыновьям прочили большое музыкальное будущее. Но старший Константин предпочел профессию экономиста. Младший Георгий после окончания Тбилисской музыкальной семинарии при консерватории, выиграл грант и сейчас завершает учебу в консерватории Цюриха. Он успешно участвует в престижных конкурсах, выступает с сольными концертами. Есть все основания считать, что талантливый пианист Георгий Юлдашев впишет еще одну страницу в историю культуры Тбилиси.

Недавно на одном из грузинских телеканалов сняли сюжет о творчестве Юрия Юлдашева. Он относится к своей известности спокойно, мол, что еще надо, если работа в радость? Между тем гордиться тбилисскому Пигмалиону есть чем: редкий турист уезжает из города без селфи в обнимку с его героями.

МАЛЬЧИК НА ФОНЕ ДЕРЕВА. ДЕТАЛЬ

■ Николай ШАХБАЗОВ

Начало см. в N 4

Он появлялся в нашем дворе несколько раз в году. Звали его Сумбатом. Никакого вреда он не причинял, даже молчал, чтобы не пугать нас своим мычанием (он был нем), но мы его побаивались. Была в нем какая-то, скрытая от нас, тайна. Мы о нем ничего не знали; не знали, откуда он приходил и куда исчезал, удалившись за ворота. Обут он был в сандалии, и вся одежда его – летом ли, зимой, в снег, в стужу – состояла из коротких, выше колен, брюк (шорт – сказали бы сегодня), перетянутых широким ремнем с медной пряжкой. На боку он носил кожаную сумку, нечто вроде планшета, на шнурке, перекинутом через плечо.

Его бронзовое тело, обожженное солнцем и ветрами, отличалось скульптурной завер-

шенностью, во всем его облике чувствовались спокойствие и сила. Длинные волосы, ниспадающие до плеч, грустный взгляд и застенчивое достоинство, с каким он держался, делали его похожим на вождя индейского племени. Взрослые нас уверяли, что бояться его не следует, но, веря им, преодолеть чувство робости мы все же не могли.

Сумбат не был нищим – он честно зарабатывал свой хлеб. Он умел многое – выбивать ковры, рубить дрова, даже стирать белье, и всегда у кого-нибудь из жильцов находилась для него работа. Никаких условий он не ставил и, получив деньги, уходил, не выражая ни недовольства, ни благодарности. Иной раз, если он задерживался допоздна, оставался ночевать и спал в сарае, подложив планшет под голову.

В середине тридцатых годов Сумбат исчез; прошел слух, что

он вовсе немым и не был, прикидывался им, являясь то ли немецким, то ли японским шпионом. Думаю, умер он под забором.

Вдруг заболел дядя, младший брат отца, врачи посоветовали вывезти его в Крым, и маме таким образом выпал случай осуществить давнее желание – поехать летом на море. Были срочно опрошены знакомые и знакомые знакомых, которые бывали в Крыму или обладали о нем какими-либо сведениями. Все наперебой советовали ехать в Ялту, и на семейном форуме было решено, что только в Ялту и надо ехать. За год до этого там было знаменитое ялтинское землетрясение, но люди сведущие уверяли, что землетрясения не имеют привычки происходить два года подряд в одном и том же месте... Путешествие в Ялту по тем временам было предприятием нештучным. Путь лежал через Баку, Дербент, Ростов, Синельниково, в Синельниково пересадка на Симферополь, а уж от Симферополя до Ялты рукой подать – на автобусе. Проще было, конечно, ехать до Батуми, а там – морем, однако вероятность шторма, могущего пагубно отразиться на здоровье дяди, делала этот маршрут неприемлемым. К тому же мама с недоверием относилась к пароходу – огромной машине, которая непонятно каким образом держится на воде.

В начале июня мы всем семейством отправились в Ялту, прихватив с собой мою кузину из Ленинакана, который бабушка по привычке продолжала называть Александрополем.

В Синельниково пришлось ночевать в зале ожидания. Я спал на составленных в углу чемоданах и, проснувшись от яркого солнца и вокзального гомона, вспомнил, как вчера выгружались из вагона – в дождь и темень. Все уже были на ногах. Мы с отцом отправились за кипятком, мама крикнула нам вслед, чтобы не задерживались, когда же вернулись, все было готово к завтраку. Бабушка раздала тарелки и салфетки, и мы, устроившись на чемоданах, держа тарелки на коленях и засунув салфетки за воротник, комфортабельно позавтракали; это была комфортабельность пассажиров третьего

класса. Синельниково, может, не сохранилось бы в моей памяти, если бы не фраза, произнесенная в наш адрес случайным попутчиком. Их было двое, дожидавшихся, как и мы, поезда на Симферополь, они с утра начали пить – попеременно, из горлышка, и один из них, искоса поглядывая на наш табор и прислушиваясь к нашему – на непонятном ему языке – крикливому разговору, произнес почитительно:

– Хоть и цыгане, а чистые!

Фраза эта нас очень позабавила, и впоследствии, рассказывая о нашем путешествии знакомым, не забывали ее упомянуть.

Море меня восхитило и напугало; восхитило издали, напугало вблизи. Сперва оно мелькало между придорожными постройками, между лавровыми деревьями и кипарисами, но с каждым витком спирали, по которой мчался наш автобус, набирая высоту, оно постепенно увеличивалось, раздавалось вширь и наконец распахнулось – от края до края. Все пространство, которое способен был охватить мой взгляд, было заполнено морем. Кончается ли оно на горизонте или простирается еще дальше – значения уже не имело. Я, как замороженный, глядел на море и не мог произнести ни слова. Такого количества воды я никогда раньше не видел.

В первый же день нашего пребывания в Ялте отец повел меня на пляж. Он вошел в воду по пояс (плавать он не умел) и поманил рукой, предлагая последовать его примеру. Меня обуял такой страх, что ноги мои, казалось, приросли к камням. По одну сторону был я – тщедушный и голый, по другую – огромное море, готовое меня поглотить. Когда же отец, выйдя на берег, взял меня за руку и попытался подвести к морю, я завизжал и стал вырываться.

Прожив в Ялте несколько дней и устроив наш быт, отец уехал, пообещав вернуться за нами в конце лета. Он и вернулся – в последних числах августа. К этому времени я уже плавал не хуже городских мальчишек, с которыми подружился, заплывал за буюк, что категорически запрещалось, даже обладал коллекцией самолично поднятых с морского

Бабушка Айкануш и дедушка Николай Шахбазовы

дна сердоликов. Я часами не вылезал из воды, а потом, обессиленный, валился на камни – с синевшими губами, еле переводя дыхание... Мама сразу же пожаловалась отцу, что я вконец расшатал ее нервы, что все три месяца только и делал, что каждый день рисковал своей жизнью. Отец произнес несколько принятых в подобных случаях сентенций, демонстрируя перед мамой, что он с ней солидарен. Я с нетерпением ждал момента, когда мы с ним пойдем на пляж. Это случилось на следующий день, и тут я, разбежавшись, плюхнулся в воду и со всей лихостью показал отцу, на что способен. Я плыл и брассом, и кролем, и по-собачьи, и отдыхал на спине, и делал стойку – так, что из воды торчали одни мои ноги. Я нырнул и продержался под водой столько времени, что, пожалуй, установил мировой рекорд. «Вот шельмец!» – сказал он, когда я вышел на берег. Еще он сказал, что мама была права и чтобы я не смел больше нырять и заплывать далеко, но глаза его светились плохо скрываемой радостью и выражали гордость и восхищение.

Нечто подобное в отцовских глазах я увидел еще раз – через много лет. Он лежал в больнице, и врачи не оставляли никаких на-

дежд на выздоровление. Моя первая книжка рассказов вот-вот должна была выйти в свет. Так получилось, что шел я к ней долгих два десятилетия. Сверстники мои давно уже нашли свое место в жизни, и знакомые при встрече не спрашивались о моих литературных делах, как не спрашиваются о здоровье у тяжелобольного человека. Я время от времени помещал десятистрочные информации в газетах и упрямо писал рассказы – по ночам. Отец ни разу не упрекнул, что я напрасно перевожу бумагу, он все еще продолжал в меня верить... Красная от смущения, переминаясь с ноги на ногу, я выпросил у редактора на несколько часов полученную утром верстку и стремглав помчался в больницу. Я подсел к изголовью койки и, еле сдерживая ликование, развернул на ладонях рассыпающиеся страницы, пахнущие типографской краской. Отец засуетился, сел, приподнявшись на локтях, поудобнее и, забрав верстку, начал медленно и внимательно листать ее. Потом он вздохнул и задумался. Я молча ждал. Вдруг лицо его озарилось улыбкой и он мне подмигнул – молодо и весело, и это означало, что мы победили.

Будучи ли с экскурсией в ска-

Николай Шахбазов в детстве

зочном дворце эмира Бухарского, глядя ли задумчиво на вершину Ай-Петри, или рассматривая в Чуфут-кале таинственный мавзолей Джанике-ханым, моя кухня равнодушно произносила:

– Точно как у нас в Ленинакане.

Крымский воздух, солнце, море и виноград вытеснили из дядино организма всю хворь, зарядили нас на зиму запасом здоровья, и обратный путь мы совершили морем. Сдав багаж, мы цепочкой, держась друг за друга, поднялись по трапу на двухтрубный и двухъярусный красавец пароход – лучший пароход Черноморского пассажирского флота. Он был назван именем немецкого социал-демократа, историка и философа Франца Меринга, к которому я тотчас же проникся чувством глубокого уважения.

После Ялты я попал в Батуми – года через три. Отец уезжал туда в командировку, и я упросил маму велеть ему взять меня с собой. Мы прожили в Батуми четыре дня. С утра отец отправлялся по делам, наказав мне не отлучаться из гостиницы; до его возвращения я валялся на кровати, ел фрукты и читал Майн Рида. Так что дневного Батуми я, можно

сказать, и не видел. Но вечерний запомнился навсегда.

Он запомнился каким-то безудержным ликованием и ощущением непреходящего праздника. По нарядным улицам, освещенным лампами, под высокими пальмами, мимо огромных агав, непрерывно двигался поток фланирующей публики; в порту стояли греческие, итальянские и французские пароходы, и подвыпившие матросы гуляли по набережной в обнимку с девочками, распевая песенки на непонятном мне языке. Французские матросы выделялись среди толпы своими белыми беретами с красными помпонами на макушке. Всюду – в парках, в садах, в скверах – надрывно звучала музыка, из распахнутых дверей кофеен и рестораников доносились мелодии модного тогда Сарасате. И всюду шла почти неприкрытая торговля контрабандой. Помню, к отцу подходили какие-то подозрительные личности, но он, опережая их, отрицательно качал головой, и они исчезали. Однако мы все же привезли маме пару фильдекосовых чулок и пудру «Лориган» фирмы Коти – круглую золотистую коробку с множеством нарисованных на ней маленьких пуховок.

Нэп, как я потом понял, задержавшись на юге, доживал свои последние дни.

Во все зеркало сцены на занавесе был изображен летящий по диагонали конь с распростертыми серебристыми крыльями. Копыта его утопали в облаках, под которыми, далеко внизу, оставалась Земля, конь же весь был устремлен ввысь – навстречу Солнцу, его золотым лучам. Мне никогда не доводилось видеть крылатых коней, но отец мне шепнул, что это – Пегас, и я понял, что именно крылья отличают Пегаса от лошадей, которых я ежедневно встречал на нашей улице.

Будущее представлялось бесконечным периодом вольготной жизни. В той жизни, которая наступит, когда я вырасту, я каждый день, думалось мне, буду ходить в театр.

С момента, когда становилось известно, что меня в воскресенье поведут в оперу на утренний

спектакль, никакие невзгоды не способны были омрачить мое существование. В день спектакля я просыпался чуть свет и торопил маму, боясь, что опоздаем. Знаменитая лестница, спускающаяся в партер, казалась дорогой в рай. Огромная люстра под потолком освещала четырехъярусный зал, который весь был полон чудесным гомоном, возникающим из шарканья ног, коротких перебранок, листанья программ, радостных приветствий, шепота билетерш, шелканья дверец лож бенеуара и, конечно же, из доносящейся из оркестровой ямы разноголосицы настраиваемых инструментов. Упустить эти минуты ожидания и явиться на спектакль лишь к самому началу его для меня и означало – опоздать в театр.

Свет в зале медленно гас, за освещенным пюпитром возник дирижер и, взмахнув палочкой, замирал в ожидании абсолютной тишины. Скажу по совести, увертюра для меня представляла интерес, если она была бравурной. В противном случае я порядком скучал. Подперев голову рукой, я делал вид, что наслаждаюсь музыкой, однако никакого душевного трепета, как ни силился, не испытывал. Но вот последние звуки увертюры затухали, занавес, на котором был изображен Пегас, с легким шелестом уползал вверх, и тогда начиналась жизнь – волшебная и ни с чем не сравнимая.

Как и следовало ожидать, меня отдали учиться музыке. Мнения моего никто не спрашивал, считалось, что все дети не хотят учиться музыке, но потом из них получают знаменитости. Два раза в неделю я бегал на урок – с огромной черной папкой с надписью «Musik» и барельефом Вагнера в берете. В течение трех лет старушка старалась добиться от меня одного – чтобы пальцы моей правой и левой руки давили на клавиши рояля одновременно. В конце третьего года, разочаровавшись в старушке, меня от нее отобрали и повели на Вельяминовскую, к известному профессору Карабегову. Мама сказала, что он умеет справляться и не с такими, как я. Профессор, проэкзаменовав меня, долго молчал, потом, чеканя каждое слово, произнес

приговор, который меня спас и с которым мои родители еще долго не могли примириться.

Мой старший двоюродный брат учился в балетной школе. Этого было достаточно, чтобы в нашей семье царил дух театра. Разговоры о театре и театральных сплетнях не умолкали. Школа, в которой учился Сергей, пользовалась безупречной репутацией. Когда он сообщал нашим гостям, что учится у Перини, то даже те из них, которые ни разу не бывали в балете, понимающе кивали головами. О требовательности Перини и о ее крутом нраве в городе ходили легенды. Говорили, что за малейшую провинность она жестоко карает учеников, бьет их палкой. Мне было очень жаль Сергея и его друзей, которых в моем воображении мучили и истязали. Я никогда не видел Перини, она мне представлялась Медузой Горгоной или чем-то в этом роде.

...мы с Сергеем стоим на тротуаре против оперного театра – там, где теперь магазин «Саундже», и весь Головинский проспект полон народу, смотрят из окон, с балконов, и когда Сергей поднимает меня на руки, я вижу море голов, цветы, бесконечную вереницу венков. Со стороны театра, с его центральной лоджии доносятся звуки оркестра, ораторы, сменяя друг друга, произносят речи, потом появляется человек и начинает петь, и в толпе кто-то говорит: «Это Мигай», и я догадываюсь, что это фамилия человека, который поет. Слабо греет осеннее солнце, и дует ветер, и Сергей в экстазе шепчет: «Это безумие. При таком ветре он сорвет голос». Мне пять лет, я присутствую на событии скорбном и торжественном, на похоронах великого артиста Вано Сараджишвили.

Когда я подрос, мне купили абонемент и я посещал оперу уже самостоятельно – два раза в месяц, а сверх того при каждом удобном случае. Господи, сколько надежд и разочарований, радостей, обид и мгновенных влюбленностей было связано с этим причудливым зданием в мавританском стиле, с его партером, обитым темно-голубым,

почти синим бархатом, с узкими коридорами-фойе, с его галеркой для контрамарочников! Здесь назначались свидания, в антрактах мы восхищались и негодовали, спорили; у нас были свои божеества, мы им хлопали, не жалея ладоней, орали, перевесившись через барьер: «Бадридзе!» или, растягивая первый слог: «Ни-и-нуа!». Мы бушевали, не сбиваясь на скандирование, – тогда мы даже не знали, что это такое.

Вовек не забыть неистовство переполненного до предела зала после «Кармен» – спектакля, в котором ленинградская знаменитость Сергей Мигай исполнил партию Эскамильо – всю, от начала до конца, на грузинском языке.

Были спектакли, на которые нас, подростков, не пускали. Как я ни старался усыпить бдительность контролерш, но на «Самсона и Далилу» с Фатьмой Мухтаровой, где она, как говорили, в сцене обольщения появлялась чуть ли не обнаженная, я так и не попал.

Ольга Нинуа обладала всем, о чем может мечтать актриса: талантом, молодостью и красотой. Сценическая жизнь ее была недолгой. Она ослепла, и часами глядела незрячими глазами на улицу, сидя у окна, под которым иногда собиралась молодежь – ее вчерашние поклонники и поклонницы. Она жила в бельэтаже небольшого дома на тихой улице в районе Хлебной площади, и те-

перь минуты беседы с людьми, которых она никогда не видела и уже никогда не увидит, были для нее самыми счастливыми. После одной из бесед, как бы в благодарность за внимание к ней, она, стоя в окне, спела – без аккомпанемента – свою коронную арию, предсмертную арию Виолетты. Кончив петь, она упала в кресло, – те, что стояли под окном, не поняли, что произошло, и зааплодировали. Она умерла, как и должна умирать актриса – под аплодисменты.

На Головинском проспекте, неподалеку от Арсенала, возвышалась глыба Военного собора. В нем я ни разу не был, только знал из рассказов взрослых, что во время богослужения там зажигаются электрические лампы и тогда как бы оживают батальные сцены, изображенные на стенах. Стоило мне, проходя мимо собора, задрать голову и взглянуть на его тяжелый купол, испачканный голубиным пометом, как я, и без того маленький, сразу же превращался в букашку. Мне больше нравилось рассматривать пушки и ядра, симметрично расставленные перед входом и по преданию отбитые у Шамиля. Летними вечерами на широких гранитных ступенях собора появлялся старичок – видимо, член какого-нибудь общества атеистов, и, установив на треноге телескоп, предлагал праздношатающейся по проспекту публике посмотреть на небо и убедиться, что никакого бога нет, а есть только планеты и звезды... Я вручил

Казенный театр

старичку десять копеек, чтобы взглянуть на Сатурн; в тот вечер он почему-то советовал всем взглянуть именно на Сатурн. В глубине души тлела надежда, что мне даже удастся заметить живые существа, копошащиеся на Сатурне. Однако ни Сатурна, ни его колец я не увидел. Я шарил телескопом по всему небу, но не видел ничего, кроме огромной черной дыры. Старичок все повторял, что я смотрю не туда, и в конце концов прогнал. Я ушел, усомнившись в существовании Вселенной и заподозрив старичка в подвохе.

Когда солнечным утром я проходил по Грибоедовской, мимо Консерватории – слышал звуки хроматических гамм, доносившиеся из открытого окна. Там в просторном классе большеголовый мальчик с голубыми прожилками на лбу – он мне представлялся именно таким – сидел за роялем и часами играл гаммы. У меня впереди был бесконечный день, полный непредвиденных событий, а ему, прикованному к роялю, рассчитывать было не на что, он был обречен играть гаммы с утра и до вечера... Через полвека, проходя мимо Консерватории, я вновь услышал звуки хроматических гамм, и вдруг абсурдная мысль мелькнула в сознании – не сидит ли за тем же роялем и не играет ли гаммы все тот же большеголовый мальчик?

...потом собор снесли, да и старичок исчез.

Военный собор

Жора Берман жил у самого подножия Мтацминды, рядом с нижней станцией фуникулера. С балкона его дома можно было рассмотреть лица пассажиров, сидящих в вагонетке. Берман-папа и Берман-мама, как мы в школе называли его родителей, держали кондитерский магазин в Сололаках (ныне Сололаки – старинный район в Тбилиси.), тряслись над своим поздним ребенком и, надеясь, что от общения со мной он наберется ума-разума, одобряли нашу дружбу. Но Жора не был таким уж оболтусом, каким он им казался. Он читал романы приключений, иронизировал над родителями-нэпманами и в доказательство своего неприятия мещанского духа, который

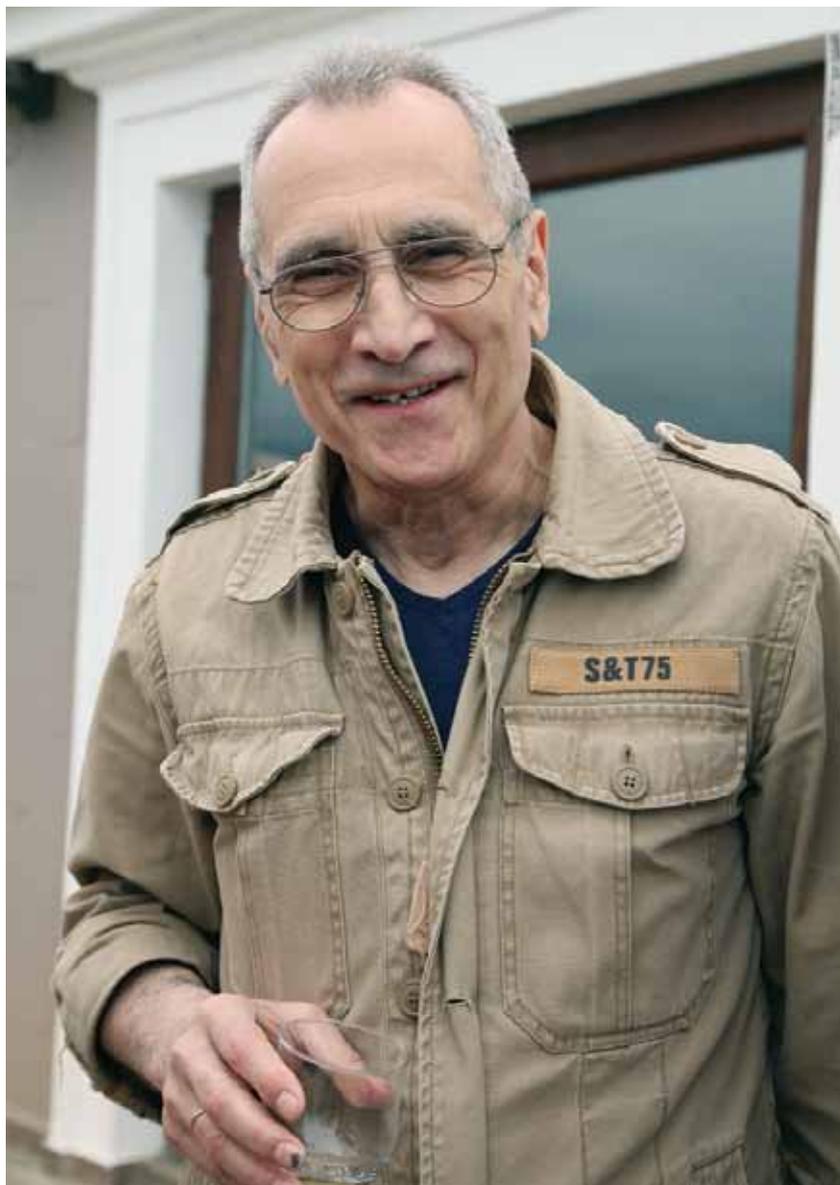
царил в их семье, украдкой таскал для нас из дома пирожные и конфеты. Его любимым героем был Робин Гуд.

Я заходил за Жорой, и мы отправлялись гулять. Конечным пунктом наших прогулок была церковь Св. Давида. Мы добирались до нее по пешеходной тропе и, расположившись у могилы Грибоедова, обозревали город. С непонятной грустью мы смотрели на Куру, пересекающую город, на дальние горы, по которым скользили тени облаков. Здесь было тихо и отрешенно, только безумолчно трещали цикады, да птицы щебетали в ветвях тополей. Иной раз в белесом от зноя небе проплывал сдвоенный

крестик аэроплана. В созерцательном безделье мы предавались мечтам о нашем будущем, обставляя его атрибутами давно минувших времен. В этих мечтах нас ожидали рискованные приключения, тайная любовь и преданная дружба, встречи и расставания, подвиги и слава...

Наши прогулки к церкви Св. Давида мы называли «не дальше Грибоедова». Так мы их называли потому, что Берман-мама, отпуская нас гулять, неизменно говорила: «Но имейте в виду – я разрешаю не дальше Грибоедова!» Грибоедов был рядом, ее старым знакомым, чуть ли не членом семьи.

(Окончание следует)

Карен Геворкян. Фото Г. Перьян

«МОЯ ЖИЗНЬ – СПЛОШНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ!»

— **Инна БЕЗИРГАНОВА**

С российским и армянским кинорежиссером Кареном Геворкяном судьба свела меня в Батуми, где проходила международная киношкола «Содружество». Общение с мастером произвело сильное впечатление. Поразила острота и глубина его суждений, жесткости оценок. Отметила его социальную драму «Вся наша надежда», показанную в рамках батумской киношколы, – фильм, стоящий особняком в нынешнем кинематографе.

– **Карен Саркисович, Вы весьма критично оцениваете современное российское кино. Неужели все так безнадежно?**

– Не надо выдавать чтиво за литературу. Есть то, что потребляется как чтиво, и есть собственно литература. И никогда эти вещи не путались. Так было всегда. К сожалению, у нас произошла ровно такая же путаница в кино. Суррогат выдается за кинематограф. Объясняется это тем, что кинематографа как та-

кового нет, а есть некая подмена под названием «авторское кино». Хотя настоящее кино всегда авторское – это и «Броненосец Потемкин», и «Земля», и фильмы Федерико Феллини. Весь итальянский неореализм – это тоже авторское кино. Кинематограф всегда прямо обращался к своему человеку. Был абсолютно нужен ему в трудные моменты жизни. Он был адресован очень конкретно.

Отвлекал, увлекал, поддерживал, помогал. В каком-то смысле этот кинематограф нес функцию, если так можно выразиться, вспомоществования. И это высшее его предназначение – отражать свое время и быть в контакте со своим человеком. Сейчас это качество утрачено. Есть коммерческий кинематограф – не про человека. Есть авторский кинематограф, который тоже не про человека: он про самоутверждение художника, режиссера. Вне контакта с реальностью. Непридуманной, негипертрофированной. И все это произошло в 90-е годы. Я имею в виду отчуждение от собственной культуры. Если бы мы «сидели» в собственной культуре, она продиктовала бы, что нам делать. Если бы смотрели на классиков, то обращались бы к Пушкину, Толстому, Чехову, Достоевскому. В поиске ответов в советской литературе читали бы Василия Шукшина, Василия Белова, Федора Абрамова, Виктора Астафьева. Там все живое. Там все про людей. Но нет, мы становимся американцами! Начинаем обретать новые формы – и в поведении, и в мышлении, и в отношении к делу. В результате получили странный гибрид – помесь ежа с ужом. Своего не удержали, к чужому не пристали. А созданный сплав «чего-то» с «чем-то» не работает. Не работает наш кинематограф. Наши фильмы смотрит 10-15 процентов населения. Это катастрофа. В наши времена его должны смотреть не менее 90 процентов. Так было в Италии, во Франции, в других странах, когда был кинематографиче-

Е. Майзель, К. Геворкян и А. Рехвиашвили

ский бум.

– Может быть, причины в проблемах проката?

– Нет. Если у вас картина, которую снял, образно говоря, детсадовский ребенок, но на нее валит народ, эта картина обязательно будет в прокате. Для прокатчика важно, чтобы зал был заполнен. Если мы не можем заполнить кинозал, это делают американцы. Хотя очереди должны стоять на наши фильмы. Но они не стоят, потому что мы зрителю не нужны. Не нужны такие, какие мы есть сегодня, – чванливые, высокомерные, отчужденные, интересующиеся лишь патологическими сторонами жизни. Почему-то берутся именно негативные моменты нашего бытия. Зачем? Чтобы показать, что в этой стране находиться нельзя. Зачем, мол, ребята, вы там живете? А если это все-таки наша родная страна, то зачем показывать ее в образе помойки? «Неродное» отношение к своей культуре проявляется именно в этом. А истинно русская, советская культура всегда была на стороне человека, говорила про человека, про его проблемы и именно потому стала великой. Не было ни презрения, ни брезгливости. Ни мата-перемата. Как сейчас. Что, тогда не матерились? Не было помоек? Да все было. Но жизнь-то не про это! И поэтому в современных

фильмах возникает абсолютно деформированная картина жизни. Это не значит, что я призываю лакировать реальность! Но все должно быть показано с любовью к человеку. А многие нынешние картины – это проявление нелюбви и даже ненависти к своей стране и своим людям. И это очень опасно. На мой взгляд, это стало формой существования авторского кино, которое в итоге не имеет никакого отношения к своему человеку. Это заказ на вывоз. За редким исключением. Как, например, душевный, тонкий, серьезный режиссер Лидия Боброва или замечательный мастер Николай Досталь. Но это не стало лицом нашего кино, его фронтом. Это отдельные люди, а кинематограф – это некий фронт. Такое положение вещей привело нас к тупику. Тупик – это то, что наш кинематограф не любят, не уважают. И правильно делают. Выход из этой ситуации есть. Нужно изменить собственные представления. Ненавидя, жить нельзя! Все мы делаем через себя. Зачем тогда жить? А дальше что? С другой стороны, кино – это документ времени. Опять-таки, наше время – сложное... К примеру, мне интересна старая киноработа Александра Рехвиашвили «Ступень», снятая с грузинской изысканностью. Это метафизическая картина. Это даже не совсем кино. Скорее,

кино про кино, документ времени. О том, как мы застыли, остановились в развитии и потому потеряли страну. Эта картина очень диагностична... как и знаменитый фильм «Семейный портрет в интерьере» Лукино Висконти. «Ступень» – очень современная картина! Она вроде про это время, но фиксирует его странным образом. Как некую человеческую остановку. Проформа есть, а жизни нет. Так и было! Жизнь в какой-то момент словно закончилась. Вроде все двигаются, кушают, пьют и, видимо, даже работают, а жизни нет. Александр Рехвиашвили показал это состояние общества именно как реальную остановку времени, закупорку всего – словно люди оказались в некоем коконе.

– В финале герою картины «Ступень» удается вырваться в горы!

– Да, это может быть, если ты на самом деле хочешь вырваться! А кто-то в этом коконе так и остался. Огромное количество кинематографистов новое время не вынесли. Умерли, не будучи особенно больными людьми. Потому что они остановились. В 90-е годы я приезжал в Москву и видел эту ситуацию. Для многих людей время действительно кончилось, все остановилось. Живы, но не живы. Это было и в Грузии. То же самое произошло в России, но в своем каком-то преломлении. С мордобоями, кошмарами, гражданской войной. Борьба за собственность превратилась в гражданскую войну. Необязательно из пулеметов строчить – шла борьба за собственность! В итоге многое было упущено, люди куда-то вышли, но никто не спросил у них: «А с чем вы, ребята, остались после всего этого дела?»

– Может быть, нужна дистанция времени, чтобы все осмыслить?

– С одной стороны, нужна дистанция времени. А с другой – все и так очевидно, зачем эта дистанция? Если ты фиксируешь болезнь, то нужно понимать, как выходить из этой си-

туации. Новое время наступило, круг замкнулся. Нужно выходить в горы! А то мы слишком увлеклись этим сумасшедшим домом. Судьба жестоко играет человеком, народами. За все надо платить. И если мы хотим что-то иметь, то вопрос нужно ставить таким образом: иметь или быть? Эта мера должна соблюдаться: сколько ты должен иметь, чтобы не потерять себя и сохранить существенные вещи – общечеловеческие, национальные, культурные ценности? Я сужу по Армении. Мы столько потеряли! Мы потеряли культуру, экономику, промышленность, науку, технологии и продолжаем это терять. Я эти потери чувствую и в России, и в Армении, и в других странах бывшего Союза. Каждый на своем уровне должен это преодолевать, если что-то понимает. Я это понимаю так: как ни странно и ни парадоксально это звучит, наступило наше время. Потому что мы, представители нашего поколения, еще можем перенести истинные ценности сюда, в новые времена, через период смуты. Новое поколение не может, а мы еще можем. И если удастся в этом отношении что-то сделать, то это означает одно: мы свою миссию выполнили. Вернемся к Армении. Это была фантастически развитая страна. С высоким уровнем образования, большим количеством высших учебных заведений. Город Ереван превратился в сказку. А теперь мы двигаемся в обратном направлении. Превращаемся в торговую точку.

– Но это повсеместное явление!

– Когда ты идешь медленно вперед – это одно, а когда ты стремительно катишься назад – это другое. Это наказание за нашу горячность, алчность, глупость, подверженность бацилам политической игры. Народ должен быть более тверд в этих вопросах. К сожалению, мы сами допустили все эти потери. Отсюда – выводы... На многое влияет коррумпированность.

Это разрушает государства, людей.

– И кинематограф?

– В равной степени кинематограф.

– Ваша последняя картина «Вся наша надежда» – это попытка найти ответы на волнующие вас вопросы, вовлечь в дискуссию зрителей?

– Картина предшествует эпиграф: «Все наши надежды покоятся на тех людях, которые сами себя кормят». Это цитата из статьи литературного критика Дмитрия Писарева «Посмотрим». Барельеф с этими словами был установлен в Москве, на здании бывшей типографии Павла Павловича Рябушинского «Утро России» в Большом Путинковском переулке на доме номер 5. Делая эту картину, я думал о том, что с чего-то нужно начинать. Это мой первый шаг. В фильме затронута реальная, а не придуманная социальная проблема: люмпенизация самого сильного класса. Шахтеры – действительно самые сильные люди. Не каждый выдержит этот адский труд. Наша история состоит из трех частей. Фильм «Вся наша надежда» – первая часть трилогии. Она была задумана как сага о семье, переселяющейся через всю Россию. И в этом ее самосохранение, самосохранение. Эти люди покидают родной дом и уходят в свои, условно говоря, горы, надеясь, что там найдут счастье. Но и на новом месте, куда приезжает шахтерская семья, жизнь складывается драматично. Все время – борьба. В ней люди крепнут. Если вам нужно защищаться, то вы либо укрепляете духом и что-то обретаете, либо гибнете. Эти люди не очень сгибаются – в этом их сущность. Они отнюдь не бессмертные античные герои, но они – негнущиеся. И там борьба, и тут борьба! Словом, наша трилогия – это такое путешествие по России. Это делалось для того, чтобы охватить и пространство, и людей, и проблемы огромной страны. Пока состоялась лишь первая часть.

– Самосохранение – это не только физическое, но, прежде всего, духовное выживание, не так ли?

– Конечно! Зачем быть там, где тебя унижают? Где для тебя нет жизни, где трудно и муторно? Это их форма сопротивления. А в жизни мы все это переживаем. Моя собственная жизнь – сплошное сопротивление. В данном случае я рассказываю о шахтерской семье, рабоче-инженерной среде. О том, как страна погубила этих людей – огромное их количество осталось без работы. Не потому, что уголь не нужен, просто им отомстили за их сопротивление, за выступления. И все равно шахтеры – хозяева своей судьбы. Они не жертвы жизни. Об этих вещах я считал важным говорить с экрана. Показывать проблемы через судьбы людей.

– Поговорим о тематике и языке современного кинематографа. Это ведь не обязательно должна быть социальная драма – как картина «Вся наша надежда»?

– За 25 лет в России не вышло ни одного фильма о базовых проблемах общества. В то же время после выхода в 1991 году моей картины «Пегий пес, бегущий краем моря» никто не поднимал культурные «кирпичи», которые есть у этого многонационального государства. Забыли, что это прямая дорога в мир. Потому что там мудрость, там душа народа. Сергей Параджанов снял «Тени забытых предков» и стал великим режиссером. Почему он залез туда, в эту тему? Потому что это было нужно, потому что речь идет о настоящем. И у каждого народа свой отклик на базовые культурные ценности. Советский кинематограф – основоположник поэтического кино. Среди его великих представителей – Александр Довженко, Сергей Параджанов. Этим серьезно занимались в советское время. Были замечательные писатели – Чингиз Айтматов, Юрий Рытхэу, Владимир Санги и другие, которые создавали этнолитературу. Якуты начинают сейчас делать свое кино, но пока не доходят до высокого кинематографического уровня. Они просто говорят: мы есть. И это тоже замечательно. Но из таких этнокультурных вещей нужно извлекать большее. Философское, метафизическое... Увы, кому-то не хватает образования, знаний. Башкиры, татары тоже пытаются делать что-то свое. Но все

это требует не узконационального понимания, а более глубокого осмысления. Иначе тема обедняется. У Айтматова было именно глубокое, философское осмысление базовых представлений. Это надо уметь извлекать из темы. Раньше существовало понимание того, что у каждого народа должна быть своя культура, которую нужно развивать. У нас огромный ресурс, но нет целеполагания, идеологии, доктрины развития национального кино. И вот сегодняшний результат. Где литература? Нет ее! Где кино? Нет его! Кто пришел на смену писателю Гранту Матевосяну? Никто! Потому что это не стимулируется. Как и в России. Задаю вопрос: где новый Василий Шукшин?

Вы спросили про язык кино. Это инструмент, не более того. Нельзя делать язык. Язык – производное от мышления. Если вы мыслите каким-то образом, ваш язык автоматически встраивается в систему вашего мышления. Ваше мышление диктует формы. Форма не диктует мышление. Что такое язык? Феллини – это язык? Нет, это мышление. Любовь ко всей жизни, к людям, а уже из этого вырастает его уникальный стиль. Так что сегодня становится острой проблема потери способности к мышлению, глубинному пониманию происходящего, законов жизни. Художники прошлого это осознавали и чувствовали, а мы

вот какие-то замороженные...

– С чего для вас начался кинематограф? Как вы стали режиссером?

– Я вырос в кинематографической семье, на студии. Это обстоятельство сыграло определенную роль. Мой отец, оператор Саркис Геворкян, – один из основоположников армянского кино. Это был уникальный человек со сложной судьбой. Мы очень переживали все, что с ним происходило. Он был по своей природе Жан Габен – негнувшийся человек. Меня привели в кино, и я счастлив. Но я очень мало сделал из того, что хотел. И всегда всего добивался сам. Дважды был изгнан из Армении. Был даже назван врагом армянского народа. Фильм «Прощание за чертой» был закрыт: в России его посчитали антисоветским, в Армении – антиармянским. Словом, в моей жизни было все, что могло быть... Но я всегда шел своим путем. Мне немало лет, и я абсолютно четко представляю, что должен делать. Сколько смогу – другой вопрос. Я вижу те направления, в которые нужно прорываться, чтобы войти в серьезное кино. Нужно наращивать усилия, двигаться дальше. Я действительно не шучу – наступило наше время. Я мыслю себя российским режиссером – будучи армянином. Я патриот Армении, но с нашим кино иметь дело не хочу... Хочу служить российскому кино. В России я получил образование, все-все-все, и я благодарный человек. Служу российской культуре с огромным удовольствием. Это счастье. Я понимаю, люблю, чувствую эту культуру. Это не взгляд со стороны – я внутри нее. Люблю Россию, русскую провинцию. Там очень много хороших людей, которым непросто живется.

– Вы говорили о российском кино. А что, на ваш взгляд, происходит в мировом кинематографе?

– Я считаю, что там происходит некая катастрофа. То, что мы называем западной цивили-

зацией, — это очень опасно для всего мира. Потому что по духу своему она алчная и экспансионистская. Мировой экономический экспансионизм рассчитан на худшие человеческие качества. И они будут неизбежно деградировать. Если нынешние хозяева мира будут терять свой доход, то превратятся в нечто страшное. 7-8 лет назад я получил сообщение из Англии о том, что произошло на территории усадьбы очень богатого человека. Полиция обнаружила сожженный дом, расстрелянных лошадей и собак и три трупа. Первая мысль — это совершили какие-то страшные люди. Но камеры зафиксировали другое. Выяснилось, что хозяин пострадал в финансовом отношении — потерял большие деньги. В его сознании произошла катастрофа, и он решил свое падение превратить в тотальный ужас. Это не бред сумасшедшего — это их внутреннее устройство. Генетика колонизаторов. Это диагноз! Такие ребята могут мир спалить. Нас-то ничего не возьмет — мы выпьем и забудем, а у них голова немного по-другому устроена. Это такая способность гиперболизации своего собственного эгоизма и своих потребностей. Что в итоге отражается на культуре, человеческих отношениях и т.д. Мне кажется, западная цивилизация очень опасна и для себя самой, и для всех остальных.

— Но западная цивилизация принесла миру и невероятные ценности.

— Это так. Но ценности миру принесли все понемножку.

— И все-таки можете назвать своих любимых западных режиссеров?

— Люблю Михаэля Ханеке, Ларса фон Триера. В музыке никто не переплюнул Баха, Моцарта. То же касается классического кино. Чарли Чаплина, итальянцев. Не могу поставить ничего рядом с «Семейным портретом в интерьере» Висконти. Вся настоящая культура осталась там, а здесь... увы!

— А как же любимые вами

На просмотре фильма

Ханеке и Триер?

— Эти ребята — тенденция еще того, старого мира. Они ведь не так молоды. А куда все дальше пойдет? Неизвестно. Стоит вопрос новой цивилизации, потому что старая кончается. Но никто этого пока всерьез не осознает. А что дальше? Наша же земля небесконечная. Нас много, и аппетиты землян с каждым днем растут. Многие проблемы нужно поднимать кинематографу. Прежде всего, вопросы нашего будущего. Аристотелей, Кантов и Фейербахов, увы, не осталось! Умных много, а таких почему-то нет. Политики этими проблемами тоже не заморачиваются. Писатели? Толстого тоже нет... Возникает странная картина. Время сложное, а людей, которые с этим временем могли бы общаться, нет. И кино не про то. Но все-таки в кино начинается новое время — про себя я это называю «русское поле». Оно же поле битвы, поле жатвы.

— То есть наступает время российского кино?

— Думаю, да. Страна имеет огромную амплитуду жизненного опыта, который не имеет никто в мире. Это такой невероятный материал! Россия за XX век трижды «грохнулась», со всякими трагическими последствиями. Это все опыт.

— В кино он иногда странно и весьма приблизительно осмысливается. Особенно период сталинского террора.

— Есть одна простая вещь. У людей воображение не развито. Нам очень трудно эти вещи представить физически, трудно вообразить контекст того времени. Мы любим выступать судьями. Хотя это был совершенно чудовищный поворот исторических обстоятельств. Как историей управлять? У нее своя логика. Но мы хотим, чтобы все было очевидно, и морализируем по этому поводу. Не получится! Нельзя исторический корабль остановить нажатием на кнопку тормоза. Есть законы масс и есть законы морали. Умные люди выступают в качестве дураков, они легко судят о временах, о которых не имеют представления. Снимают фильмы, не понимая ни Сталина, ни его эпохи. Не вникают. Вы хорошо помните, что происходило в Грузии в годы недавней гражданской войны! А тут представьте, что три миллиона вооруженных людей возвращаются в огромную страну, и у каждого есть счеты с кем-то. В результате — грабеж, анархия. Как такое можно было потушить? Сколько сил для этого требовалось? Сколько в итоге крови пролилось? Конечно, Сталин — шекспировский персонаж. Надо быть на уровне хорошего историка, психолога, чтобы во всем как следует разобраться. А так на экране ряженые ходят и что-то там говорят...

Комуналла Маркман до ареста в Тбилиси

НОМЕР В ЦВЕТОЧЕК

■ Елена РАЧЕВА, Анна АРТЕМЬЕВА

Комуналла Маркман: «Я поняла, что КГБ проиграл, потому что ему не выбить из людей человечность».

Маркман Комуналла Моисеевна.

Родилась в 1924 году в Тбилиси.

20 апреля 1948 года – арест. Комуналла и пятеро ее друзей были членами подпольной организации «Смерть Берии». Строили планы убийства главы НКВД, распространяли листовки: «Граждане, оглянитесь вокруг! Лучшие люди расстреляны или погибли в застенках НКВД. Мерзавцы в синих фуражках полностью распоряжаются жизнью каждого из нас...»

Следствие велось 5 месяцев с применением пыток (в том числе электрошоком). Сентябрь 1948 г. – суд по делу о «повстанческой террористической организации». Указать в деле ее название следователи не решились и заменили нейтральным «Молодая Грузия».

Приговор шестерым участникам – 25 лет лагерей и 5 лет поражения в правах, двум их друзьям, включая поэта Александра Цыбулевского, – 10 лет за недонесение. Осень 1948 г. – весна 1949 г. – этап Тбилиси – Инта через Ростов-на-Дону и Свердловск. В Инту Комуналла попала ужеходягой.

1949–1956 гг. – общие работы в Минлаге (Инта): строительство домов и дорог, работа на лесоповале.

1956 г. – освобождена комиссией Верховного совета по пересмотру дел. 22 августа 1968 г. – реабилитирована.

Точно такой же номер был у меня в Минлаге в Инте. А этот мне нарисовали в 1956 году, после освобождения, просто на память.

Номера у нас на всем были: на бушлате, на халате. Рисовала их Людочка, заведующая культурно-воспитательной частью. Наши девочки постоянно несли ей что-нибудь вкусное, чтобы она нарисовала номер покрасивее.

Сначала женщины в номерах вышивали цветочки, но начальник отряда Поляков у нас был злющий и начинал свирепствовать, если замечал хоть один цветок. Зато начальник лагеря Максимюк был замечательный человек, до сих пор молюсь за его упокой. Когда у нас конвоир застрелил девочку – мы убирали картошку, и она случайно вышла за ограждение – Максимюк вызвал для расследования комиссию из Москвы. Хотя даже мы понимали, что это гибель для самого Максимюка.

У нас был детский дом, куда попадали дети тех, кто забеременел в лагере – от вольняшки или от надзирателя. Это очень преследовалось, никаких поблажек беременным не было, но детский дом все равно был полным. Детей там держали три года, потом переводили в другие детские дома. И начинался кошмар: матери плакали, кричали, бросались на проволоку. И у Максимюка, рассказывают, от этого зрелища случился сердечный приступ.

Вообще, что такое женщины, вы себе не представляете! Возвращаются наши девочки с работы. Накручивают волосы – они так дома ходили, и им хочется быть красивыми – и садятся пи-

сать письма, вышивать платочки.

Быта у нас не было, надежды не было, а жизнь была. И дружба была, и любовь. Сколько после лагеря переженались!

Мы с Юзефом тоже в лагере познакомились, но поздно, уже после смерти Сталина. Ему было 24, мне 27. Юзик – поляк из Гродно. Был он среди повстанцев, с ружьем в руках боролся с советской властью, хотя ни разу не выстрелил. Познакомились мы по переписке.

Писали в лагере много. Письма можно было мелко-мелко свернуть и спрятать в трусы, в ухо. Потом, когда идешь на обед, в условном месте – где-нибудь внутри черенка лопаты – прячешь письмо, сверху пишешь, кому. Вольняшки письма потом собирали и передавали по адресу.

С Юзефом мы переписывались каждый день, целыми тетрадями. А потом он дал какой-то еды своему нарядчику, и тот отправил их бригаду на шурф шахты, где работала я. Так мы впервые увиделись. Через три месяца переписки он объяснился мне в любви.

А потом случилось чудо: после расстрела Берии с вышек сняли попок и надзирателям запретили ходить по лагерю с оружием. И мы тихо-тихо, когда стемнеет, выползали из-под проволоки, Юзик шел к моему лагерю, и мы гуляли.

Заведующей каптеркой у нас была Соня Радек, дочь Карла Радека. Она знала, у кого какие есть вещи, и когда какая-нибудь девочка выползала на свидание, старалась ее как-то принарядить.

А потом по выходным нам стали давать отпуск из лагеря, и мы могли ходить к родным. Я брала увольнительную и шла к Юзеку, объясняла: он мой двоюродный брат. «Ох, сколько у моих подопечных двоюродных сестер», – смеялся начальник лагеря.

Юзик был католик, очень верил в Бога и даже не думал догронуться до меня, хотя, конечно, мы иногда целовались под фонарями. Целомудренный он был до такой степени, что когда однажды в выходные мы с ним остались ночевать у знакомой, он всю ночь не снимал валенки.

Юзик освободился, когда из лагерей начали выпускать тех, кто до 1939 года не был гражданином СССР, но остался меня ждать. Я вышла в июне 1956

года, мы поженились, но остались в Инте: надо было заработать, чтобы уехать домой. В 1961 году я забеременела, но когда родился ребенок, у Юзека как раз была операция: в результате наших встреч у него оказались отморожены обе ноги, и их отрезали.

Поэтому номер мой – это такое дорогое! Для меня Инта – это святое дело. Там я поняла, что КГБ проиграл, потому что никакими мерами не выбьет из людей человечность.

В лагере я дала себе обет браться за самое тяжелое, и все время была на общих работах. Все восемь лет отсидки была у меня очень большая слабость, ночами я не спала, больше всего беспокоилась за маму. Отца моего в 37-м расстреляли, сестра Юлечка погибла в блокаду, а мама в 1942 году вышла из АЛЖИРа (Акмолинский лагерь жен изменников родины. – **Е.Р.**) и ждала меня. Я так за нее беспокоилась, что однажды написала письмо: «Мама, мне больно, что ты за меня переживаешь. Я живу хорошо, часто веселюсь. Мама, я знаю: и ты не очень ценишь жизнь, и я. Поэтому давай с тобой наметим время и вместе в один день покончим с собой».

А мама ответила: «Эл, а тебе не интересно посмотреть, какие еще гадости судьба нам преподнесет? Хотя бы из любопытства стоит еще пожить».

«СМЕРТЬ БЕРИИ»

«Смерть Берии» – так мы называли свою организацию между собой. Мы создали ее в 1943 году, нас было шесть человек. Пятеро – из одной тбилисской школы, все, кроме меня – мальчики, я называла их своими братьями.

Почему Берия? Он нес гибель людям, Грузии, всей стране. Сталин тоже, но Берия был доступнее, он из Грузии.

Организовал все Тэмка Тазишвили.. Его отец был дворянин, расстрелянный в 1937-м. Тэмка утверждал, что 14 декабря 1937 года Берия лично застрелил его и моего папу в подвалах тбилисского КГБ. Но Тэмка иногда прикинул и я ему не поверила.

Вы думаете, мы только за отцов были? Мы за народ, а не за отцов шли! Хотя у меня в тогдашних стихах и были такие строчки:

«И мы, утопая в слезах матерей по колени,

Омытые собственной кровью,
Смотревшие смерти в лицо,

Мы будем судить вас за наше
обманутое поколение,

За наших убитых и заживо
сгнивших отцов».

Никаких реальных планов у нас не было. Разве что один: я предложила своим мальчикам, что кого-нибудь из КГБ влюблю – я была такая эффектная! – и он станет членом нашей организации. Но они сказали: «Дура! Не смей никого агитировать!» – на этом все и закончилось.

САМОСВАЛ НОМЕР...

Конвоиры наши были разными. Попадались и жуткие, но были и те, кто отправляли наши письма, сходились с нашими женщинами, заводили с ними детей.

Беременели в лагере часто: и от вольняшек (вольнонаемных сотрудников лагеря – **Е.Р.**), и от надзирателей. Это очень преследовалось. Помню, одну немку начальство лагеря долго допрашивало: «Ну скажите, кто это был? Мы вам тогда наказания никакого не дадим». А она ревет: «Имени не знаю, но самосвал номер такой-то».

Мы все очень хохотали и когда обнаруживалось, что очередная наша женщина ждет ребенка, хором спрашивали: ну, а самосвал какой?

Никаких поблажек беременным и матерям не было, хотя во время бериевской амнистии несколько из них освободили. Но те сидели вообще ни за что. Например, одна женщина была уборщицей, убирала кабинет, плюнула на портрет Сталина и тряпкой вытерла. Портрет своего сына она вытирала также, но за Сталина села к нам.

По дороге в лагерь нас часто обыскивали. И в трусы могли заглянуть, и присесть заставляли. Но не каждый день. Один раз, помню, начинается обыск – а у меня в лифчике бритва. Надзирательница – член партии, литовка – сунула туда руку, нащупала бритву – но не сказала ничего.

Был случай, когда одна моя подруга пыталась спрятать письмо родителям, чтобы его потом вольняшки отправили, и ее поймал конвойный. Она стоит, плачет, просит, чтобы отдал письмо, он не дает, ему отпуск за это могут дать. И тут проходит мимо офицер, его начальник. Хвалит конвоира, забирает письмо. А че-

рез месяц это письмо доходит по адресу.

Когда конвоиры напивались – жизнь у них была тяжелая, и напивались они часто, – мы их спасали. Начальство проверяло их на входе в лагерь, поэтому мы надевали на них бушлат с номером, платок, ставили в пятерку, которыми шли колонной с работы – и проводили мимо начальства незамеченными.

Вольные нам очень помогали, иногда и с опасностью для жизни. Когда я еще сидела, Инна Тарбеева, наш зубной врач, в отпуск поехала к моей маме в Батуми, хотя это было дико запрещено. Гостила она, конечно, бесплатно, а маме рассказывала, что со мной, как я живу.

Когда в Инту привезли Тэмку (он долго писал прошения, чтобы его перевели поближе ко мне) я поженила его с Аней. Она была вольняшкой, детским врачом. Когда выяснилось, что у нее роман с Тэмой, в парторганизации сказали: будешь продолжать – положишь партбилет. Она вытаскала партбилет из кармана, положила на стол и ушла.

И еще у меня до сих пор стоит перед глазами: ведут нас на работу пятерками. У дороги ждет какой-то лагерный начальник, рядом – его жена, милая девушка в белой шубке. Идем мимо длинной колонной – и слышу, как она почти в истерике твердит: «Сколько их, сколько их?! Увези меня отсюда, не могу это видеть, увези!», – а он затыкает ей рот.

ЦУНАМИ

Когда меня осудили, маму я решила обмануть. Пустили ее ко мне после суда, когда меня уже отправляли на этап. Я и говорю:

Лагерные подруги

мама, а ты знаешь, сколько мне дали? Я хотела сказать, что 10. А она говорит: «Знаю. Но 25 ты не высидишь. Потому что или ишак сдохнет, или богдыхан сдохнет». Вот такая мама моя!

Я родилась и села в Тбилиси. Папа мой был одним из тех, кто участвовал в революции, с 1920 года был в партии. Он работал председателем Совпрофа, директором Центрального строительного треста Грузии, фактически министерства строительства Закавказья.

Одна из его должностей – зам министра лесной промышленности Закавказья. Как раз на ней он сильно поссорился с Берией и до последнего дня они с ним были врагами.

Мы с Берией жили на соседних дачах в Кикетах. Нина, жена его, часто приходила к маме жаловаться: опять к Лаврентию явилась куча его деревенских товарищей, все съели, аж детей кормить нечем, нет ли у вас пары яичек? А я швыряла шишками в его сына, моего ровесника.

И вот когда папа работал в лесной промышленности, в Грузию пришел лес. У нас лесов было много, поэтому папа планировал большую часть бревен отдать в Армению и Азербайджан. Берия был страшно против, но папе удалось настоять. И Берия потом всю жизнь мстил.

Папу расстреляли в 1937, следом посадили всех его родственников. Арест папы не был для нас сюрпризом. Его незадолго до этого уволили, и мы были уверены, что за ним придут. Конечно, после увольнения он позвал нас с сестрой, сказал, что «там» разберутся. Но хоть мне и было 13, я понимала, что хорошим это не завершится. За более-менее по-

Юзеф, будущий супруг

рядочными людьми приходили всегда, это было как цунами.

Уехать и спрятаться мы не могли – не было денег. Да это и в голову не приходило: мы знали, что всех хороших людей сажали.

Я не понимаю, как можно было не видеть, что происходит в стране. Когда после расстрела папы мама искала работу в разных ведомствах, ей все говорили – приходите через неделю. Когда она возвращалась, оказывалось, что тех, с кем она там разговаривала, уже забрали. Даже люди, занимающие иллюзорно-ответственные места – какие-нибудь секретарши суда – тоже были обречены.

«Девочки, надо выдержать»

Маму пришли арестовывать при нас. Меня с Юленькой (ей было 15) и маму посадили в черную машину и отвезли в КГБ. Попрощались мы в кабинете следователя. Мама была очень спокойна и сказала: «Девочки, надо выдержать».

Ее осудили на пять лет, из АЛЖИРа (Акмолинский лагерь жен изменников родины – **Е.Р.**) она вышла в 1942 году.

А нас увезли в детский дом для детей арестованных. Нас искали родственники, искала школа, родители одноклассников. Нам с Юлей повезло: нашими школьными шефами был клуб им. Дзержинского, то есть КГБ. Они нас и нашли.

Тбилиси был очень человеческий город. Когда мы с Юленькой через неделю вернулись и поселились у родственников, выяснилось, что в нашей опечатанной квартире опечатали кошку. Снять печать все боялись, кошка мяучила и тетя кормила ее клизмочкой через щель под дверью.

И мы с Юленькой поехали в КГБ. Приезжаем, плачем, просим, чтобы нас отвели к самому главному следователю. Рассказываем про кошку и говорим, как тогда принято было говорить: если вы не освободите кошку, мы объявим голодовку, не будем кушать и умрем. Следователи рассмеялись, дали нам человека, который приехал и нашу кошку освободил. Ну скажите, в каком еще городе КГБ могло бы так поступить!

Моя сестренка и Милочка, папина дочь от первого брака погибли в блокаду. В Ленинграде они учились в электротехническом университете, помогали в госпитале сиделками и отказа-

лись эвакуироваться. Юленька написала мне: «Как ты считаешь, имею я право уехать?»

«А как же раненые?» – написала я. В общем, обе остались. Извещения на них маме прислали в лагерь.

Чудеса

Перед арестом мне было 24. Жизнь была какая-то... Я работала журналисткой, переписывала информацию ТАСС. Заводила романы – но не влюблялась и тяготилась теми, кто меня любил. И мечтала, чтобы что-то случилось, какое-нибудь чудо, потому что так бессмысленно нельзя жить. И меня посадили. В общем, мне везло.

Мне помогли чудеса. Наша организация существовала с 1943 года, а арестовали нас только в 1948-м. Перед судом ненадолго отменили расстрел, поэтому я осталась жива. Когда меня привезли в лагерь, там как раз разделили мужчин и женщин, политических и уголовных, и жизнь заключенных изменилась в положительную сторону. Вы, кстати, не знаете, кто такую штуку предложил? Хочу выяснить его имя, чтобы молиться за него, пока я еще жива.

А потом вообще Сталин умер. Такой сюрприз замечательный был!

Когда меня посадили, я понимала, что надо выстоять, а там будь что будет.

В лагере я себе дала клятву, что с первого до последнего буду на самых трудных работах. Я с детства знала, что надо быть сильным морально и физически, всю жизнь давала себе трудные задания и большего счастья, чем преодоление, не знаю.

Родители учили меня переносить боль, ничего не бояться. И я не боялась. Поэтому, когда села, не жаловалась. Когда мы создавали нашу организацию, мы знали, на что идем, но считали, что Берию надо убрать. Так что жаловаться – все равно как женщине на родильном кричать «Мама!», потому что не ожидала, что будет больно.

Поэтому и на страну у меня обиды нет.

Все фото из личного архива К.М.

<https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/10/28/46533-171-58-ya-neiz-yatoe-187-komunella-markman-lagernyy-nomer>

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР СОВРЕМЕННОСТИ

გალინა ვოლჩეკი
თეატრი როგორც პედისნერა
ღია დიალოგი მაყურებელთან

ГАЛИНА ВОЛЧЕК
ТЕАТР КАК СУДЬБА
ОТКРЫТЫЙ ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЯМИ

21.05
19:00

ТБИПСИ. СAKРЕБУЛО
Фото Александра СВАТИКОВА